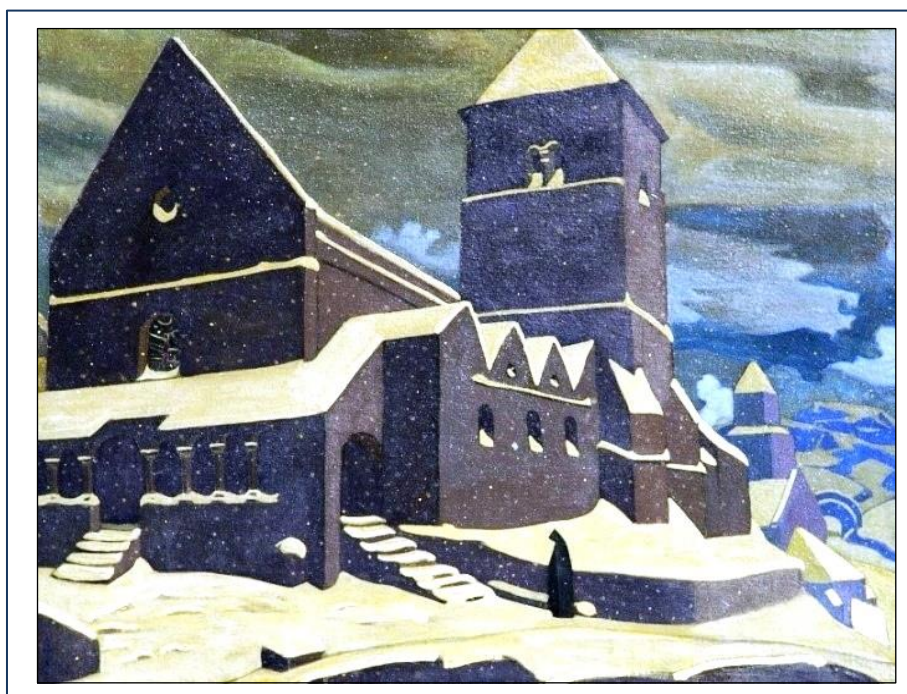

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

Н.К. Рерих

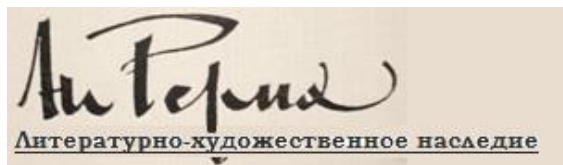
ПРЕТЕРПЕНИЕ

ТБ
МОСКВА 2024 г.

Составитель
Ларкина Тамара Васильевна,
- исследователь жизни и творчества Н.К. Рериха,
Москва.
www: gallery.facets.ru (ссылки)
e-mail: larckina.tam@yandex.ru
tv-larkina@mail.ru

На обложке:
Н.К. Рерих. **Покаяние**. 1917.

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

Н.К. Рерих

ПРЕТЕРПЕНИЕ

(ИСПОВЕДЬ)

ТБ
МОСКВА 2024

К 150-летию со дня рождения Н.К. РЕРИХА

"Шествие Рериха по странам мира колышет тихие воды человечества, но колышет их не так, как война, как нажива. Человечество самым трогательным образом готово слушать и, кажется даже, - слушаться!

Не могло, в сущности, и быть по-другому.

Ведь Рерих в изысканной, несравненно художественной форме, в чудесных образах, в поющих красках, во всём обаянии современной культурности, избранной, утончённой и высокой, принёс миру, во множестве своих картин, такое напряжённое чувство безусловной Красоты, такую свежесть впечатлений, такую сияющую святость настроений, которых давно, очень давно не чувствовал западный мир в своём обиходе: европейский, пожалуй, — со времён Возрождения, а мир американский — её никогда за всё время своего существования".

Всеволод Иванов, "Рерих - художник-мыслитель"

Опять война...

«Да, думали, что это было последнее безумие. Надеялись, что впоследствии достаточно будет дружественного обмена мнений. (1914-1916 г.)

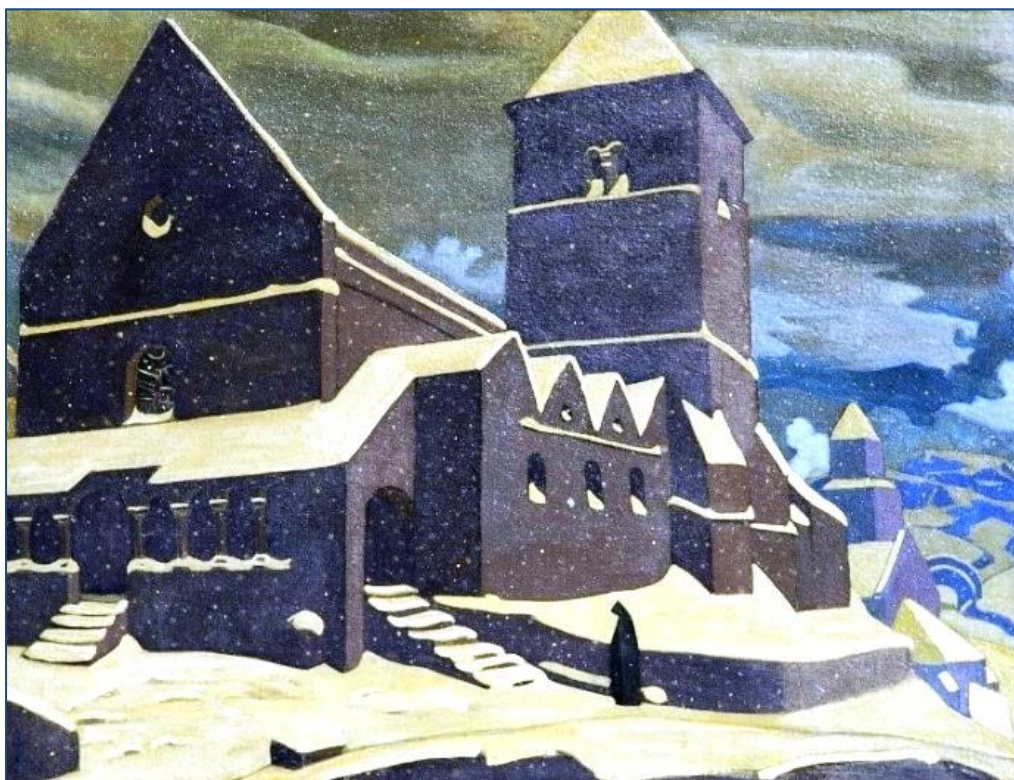
«Но вот опять ошиблись. Через четверть века, ровно через четверть века, то есть через целое поколение, вспыхнула эпидемия такого же безумия. И началась эта эпидемия тем же бесчеловечным образом. Опять сброшены бомбы в мирных жителей. Опять потоплены суда, перевозившие мирных путников. Опять разбиты школы и разорваны детские тела.

Конечно, эта война не сейчас началась...».

Н.К. Рерих Опять война. 1939 г.

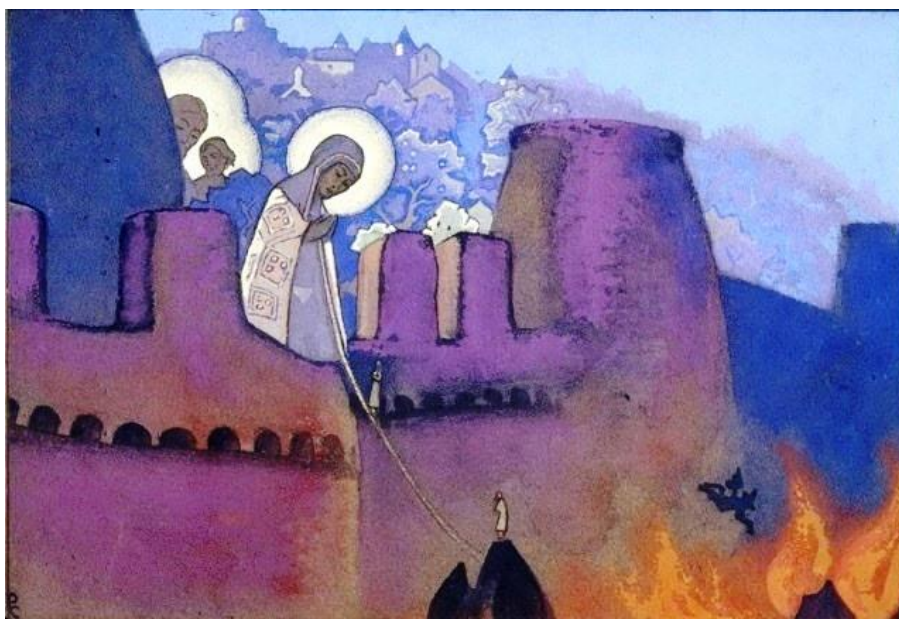
Жар земли. 1916.

Н.К. Рерих. Покаяние. 1917.

*"Мы знаем и слышим, что сознание правоты всегда даёт мощь и силу перенести всё, решительно всё.
Это так и есть.
Но ведь для этой мощи нужен покой, тишина.
Нужна пустыня тишайшая. Нужен храм пустынный со всем великолепием облачного зодчества".*

Н.К. Рерих. Пламя. 1918 г.

Madonna Laboris (Труды Мадонны) 1936.

Николай Перих

ПРЕТЕРПЕНИЕ

Сказал старейший:

- Будут разрушать, а вы стройте.
Будут рассеивать, а вы собирайте.
Будут гневить, а вы не гневайтесь.
Противостойте всем злым.
Великаны в горе схоронились.
Чудь под землю ушла.
Водь обернулась медведем.
Закопался зверь Индрик.
Опустились в воду города и храмы.
Схоронились. Ждут.

Во Раи, в пресветлой всех благих сил обители, принимала честную трапезу Владычица Небесная. Преломляла Пречистая духовный хлеб. Наполняла Преблагая чашу жизни. Со всеми со трудящими. Со всеми со Апостолы. Со всеми добрыми знаемыми и незнаемыми. Писанными и неписанными.

Оглянулась на апостолов Владычица. Усмотрела Преблагая:

- Пётр апостол! Почто оставил золотые ключи? Почто взял железные? Нет на них ни узора, ни прорези.

- Павел апостол! Где светлая одёжа твоя? Вытерлись на портах травы цветочные?

- Лука, где резной посох твой? Затемнели твои шары прекрасные.

- Симон Зилот, Варфоломей, бывало, светились ризы на вас. Сияли
оплечья парчовые.

- Иван да Яков Заведеевы, сыны громовы, затемнели и вы. Поял ваш
доспех.

- Марк, и ты в набойку оделся?

Матвей да Филипп, обносились и вы. Ризы порвались на вас.

- Иван возлюбленный, допрежь не носил ты холстинковых поручей?

«Опростели святые апостолы. Одеревянила трапеза. Окрепла посуда.
Постарели скатерти. Допрежь во славе ходили апостолы. Осеялись золотом.
Окручались парчою. Обувались красно и с пряжками.

Ощурились апостолы. Задумались. Благие сонмы сидят и молчат.

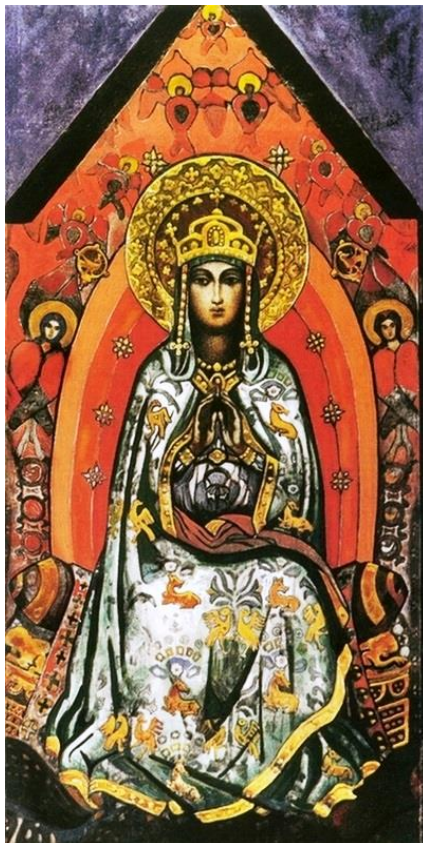
Сказал ключарь набольший. Сам Пётр апостол:

- Одевать нас перестал народ. Перестали люди строить ризы красные.
Позабыли украсить Великий Дом. Покинули во славе хождение.

Ожидаем подвига. Бережём ризы красные. Поупрятали доспехи с узора-
ми.

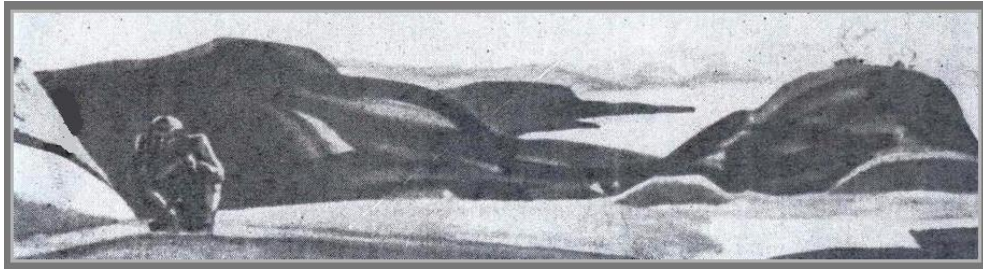
Будет день нам итти в народ. И пойдём мы со славою. Возложим на ся
знатный доспех. Претерпим. Сбережём, Владычица.

Бержевые ведомости. 1916. 1/14 января. Утренний выпуск. № 15300. . С. 4.

Царица Небесная над рекою жизни.. 1911.

Отверженный. 1918.

**"Помню, когда мы были на Ладозе, на "Святом острове",
почудилось настроение отрезанности..."**

Н.К. Рерих, "На острове" (1940 г.).

ЗАВЕЩАНИЕ

Всё, чем владею, всё, что имею получить, завещаю жене моей Елене Ивановне Рерих. Тогда, когда она найдёт нужным, она оставит в равноценных частях нашим сыновьям Юрию и Святославу. Пусть живут дружно и согласно, и трудятся на пользу Родины. Прошу Русский Народ и Всероссийское Общество Поощрения Художеств помочь семье моей; помочь, помня, что я отдал лучшие годы и мысли на служение русскому художественному просвещению.

Предоставляю музею Русского Искусства при Школе, мною учреждённому, выбрать для Музея одно из моих произведений, как посмертный дар. Прошу друзей моих помянуть меня добрым словом, ибо для них я был другом добрым.

1 Мая 1917 Петроград. Художник Николай Константинович Рерих.

Сим свидетельствую, что сие завещание подписано собственноручно Николаем Константиновичем Рерихом в полном уме и твёрдой памяти.

*Прапорщик артиллерии Александр Федорович Белый 4/У1917 г.
(автограф)*

*В том сие свидетельствую Действительный Статский
Советник Иван Михайлович Степанов. (автограф)*

*В том же свидетельствую. Потомственный почётный гражданин
Степан Петрович Яремич (автограф)*

*Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/472, 2 л.
Приложен конверт с надписью: Завещание Н.К. Рериха. 1 мая 1917 г.*

Письмо Н.К. Рериха к И.М. Степанову и С.П. Яремичу

«В 1918 году у меня был забавный случай: я был явно похоронен в Сибири; я даже не был там в это время. Были пропеты реквием и написаны некрологи. Конечно, во время нашего далёкого путешествия можно представить, как много было ложных истолкований. Мне показали вырезку интервью с А.Н. Бенуа. Даже Бенуа был введён в заблуждение, повторил парижскую сплетню и рассказал об анафеме Папы Римского. В это время, когда согласно интервью Бенуа, я был в Лхасе, я на самом деле шёл по Алтаю. Занимательно!»

Н.К. Рерих. «Улан-Батор-Хото». 1927.

Стихи Николай Асеева, прочитанные 14 октября 1918 года на вечере, посвящённом памяти Рериха¹

РЕРИХ

Тому, кто шёл на безымянный берег,
В могилу клали меч, копьё и лук.
Кто ж на щиты тебя поднимет, Рерих,
Последний, может, рюриковский внук?

Вели коня в седле за павшим князем,
И посреди вонзённых в землю стрел
Гроб на костёр слагали, а не на землю,
Чтоб он при всех в живом огне сгорел.

А ты, пленённый древней русской сказкой,
Влюблённый в память сумрачных времён, -
Твой конь увяз среди трясины вязкой
Во тьме, в лесу до шёлковых стремян...

Но верим мы: пройдут года, и ты, чей
взор упорный испепелял века,
восставишь старый, пламенный обычай -
ладью времён вернёт твоя рука.

Не нашим поколением, быть может,
Грядущим - исполнен будет он:
зажгут костёр, тебя на щит возложат
и понесут весной на горный склон.

Промчатся снова кругом лета, зимы...
О, юноши, взгляните же назад:
Князь на костре горит неугасимо,
И пламя, пламя плещется в глаза!

Поэт не знал, сколь пророческими окажутся его слова. Через три десятилетия на Гималайских склонах будет зажжён костёр, и тело Рериха предадут всеочищающему огню...

---

¹ См. П.Ф. Беликов. «Рерих». Новосибирск, 1994. С. 149-150.

У Дивьего камня неведомый старик поселился. 1910.

Николай Рерих

"ЗАПОВЕДЬ ГАЙЯТРИ"

Птицы Хома прекрасные. Вы не любите землю. Вы на землю никогда не опуститесь. Птенцы ваши рождаются в облачных гнёздах. Вы ближе к солнцу. Размыслим о нём, сверкающем.

Но Дивы земли чудотворны. На вершинах гор и на дне морей прилежно ищи. Ты найдёшь славный камень любви. В сердце своём ищи Вриндаван² — обитель любви. Прилежно ищи и найдёшь.

Да проникнет в нас луч ума. Тогда всё подвижное утвердится. Тень станет телом. Дух воздуха возвратится на сушу. Сон в мысль превратится.

Мы не будем уносимы бурей. Сдержим крылатых коней утра. Направим порывы вечерних ветров. Слово Твоё — океан истины.

Кто направляет корабль наш к берегу? Майи не ужасайтесь. Её непомерную силу и власть мы перейдём.

Слушайте! Слушайте! Вы кончили споры и ссоры?"

Молился Сурендра Гайятри. От камней города ушёл он под сень Араньяни². В благостной тишине он остался.

Но брань воздвигалась. Цари старой земли замыслили разбить священный сосуд. Погибнуть должна была мудрость Нильгири. Гхат и Кхунда хребты должны были поникнуть. Город Гайя погибнуть. Фальгу-река зарастаи.

Нет средств ужас разбить. Огонь и стрелы. Яд и смертельные громы льются и сверху, и снизу. Летят чёрные птицы.

Люди нашли Гайятри. Люди к нему приступили. Люди требуют помощь. Люди в беде принуждают Гайятри изменить благую молитву.

"Забудь благую молитву, Гайятри. Ищи смертное слово. Смертный глаз ты найди. Проси заклятье победы!"

"Прощай, Араньяни! Прощай, серебро и золото неба! Прощай, дубрава тишайшая!"

Гайятри слышит зовы. Гайятри оставляет леса. Гайятри идёт на вершину. Гайятри остался один. Гайятри лучом окружился. Гайятри всю силу молит:

---

² Вриндаван — город в округе Матхура штата Уттар-Прадеш, Индия.

“Лев и лебедь! Орёл и олень! Бык, лев, орёл! Бог земли! Бог звёзд и луны!
Бог света и солнца! Индра!

Не дай чёрный век. Истошились силы. Уснул священный алмаз! Не отражает блуждающих духов. Не отвращает врагов.

Дай заклятье на злобу! Дай заклятье на силу! Заговор на победу.

Дай врага отразить. Скажи слова Нагаима. Дай силу Екзола. Дай смертное слово. Глаз смертный открой.

Ракшазы³ людей побеждали. Самьяза, вождь сынов неба, бог-змий и тот учил силе. Азазиель и тот научил оружье ковать. Амазарака и тот открыл тайные силы трав и корней. Они тёмные, злые. Ничтожные. А Ты можешь. Сила в Тебе.

Алелу! Алелу! Алелу!”

Бог слышит Гайятри. Бог просьбу Гайятри исполнит. Бог не даст погибнуть Нильгири. Бог любит мудрость вершин. Бог совершит испытание.

Не дам тебе ни Екзола, ни Нагаима. Ни против войска, ни для удачи. Не дам тебе Заадотота, ни Аддивата, ни против вражды, ни для отмщения. Не дам тебе ни Каальбеба, ни Альсибена, ни против злобы, ни для вреда и разрыва. Не дам тебе смертное слово. Смертный глаз не открою. Заклятия все соберу.

Альшиль! Альзелаль! Алальма! Ашмех!

Каададьбала! Каальда! Кальдебда!

Оставлю! Забуду!

Анакс!Алюксер! Атаия! Атарс!

Покончу! Покину!

Дам другое. Вот имеет отражения силу. Власть никому не откроет. Слушай!

Идёт один. Идёт мирным. Идёт в белой одежде. Идёт без меча. Всё сделанное тебе на них обратится. Всё желаемое тебе да получат. Зло и добро. Хотящий зло - да получит. Хотящий добро - да примет. Воздастся каждому. Иди. Не медли. Испытание конца я свершу.

Альм! Альм! Альгарфельмурок!

Что случилось?

Идет Гайятри. Идёт белый и тихий. Без копья и меча. Без зла и угрозы.

Что случилось?

Пустили враги в Гайятри стрелы, натёртые ядом. И стрелы их самих поразили. Другие метнули копья в Гайятри и упали пронзёнными. Ядом плеснули и попадали в корчах.

Что случилось?

Полчища гибнут своею рукою. Злобою дух переполнен. Местью сердце раздулось.

Что случилось?

Рушат и жгут. Отравили озёра и реки. Бросили огненный дождь. Прокричали проклятья. Горят и тонут. В корчах чернеют. Режут и душат. Сами себя.

Что случилось?

Забыли добро. Утерjali добрую встречу. Добрый глаз затемнили. Слово ласки убили.

Вот случилось!

---

³ Ракшасы - демоны-людоеды и злые духи в индуизме и буддизме.

Погибли безумные. Силой врагов прошёл Гайятри царство старой земли. Прошёл врата и дворцы, мосты и селенья. Замолчало старое царство. Погибли безумные.

Гайятри стоит.

Снять власть он не знал. Силу открыть он не мог. К своим обратиться не смел.

Сложит Гайятри костёр. Власть огню передаст. Власть по ветру рассеет. - "Пепел священный! Блаженства лёгкий покров. Ты покрываешь. Ты очищаешь. Освобождает".

Но Бог не медлит:

"О пепле не мысли. К своим обернись. Встреть ребёнка. Неси перед собою. Учи. Во имя Бога двое бороться не могут. Один из них тёмный. Тёмного ты порази.

Я совершил испытание. Опущу в пучину старую землю. Низвергну негодную. Подниму вершины опять.

Подниму. Испытаю. На небе и на земле.

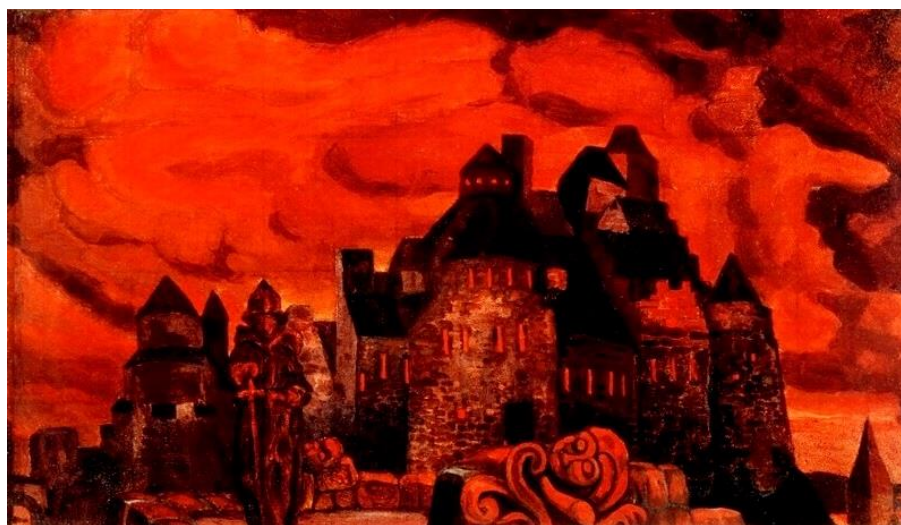
Закон я свершу".

Гайятри ребёнка нашёл. Несёт ребёнка Гайятри. Вернулся в Нильгири. Гайятри забыл Араньяни. Оставил дубраву. Гайятри молит глаз добрый открыть. Найти доброе слово.

Слышите, люди!

Около 1916

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/49

Н.К. Рерих. Зарево. 1914.

"Неужели мы видим только то, что хотим увидеть?.."

«Наши глаза так несовершенны, а ощущения духа так засорены у большинства современных людей, что обмануться в том, что они видят, совсем не трудно...»

Сердоболь, 1 ноября 1917 г.

МИЛОСЕРДИЕ

Простое народное действо в VII картинах

I картина

Высокое помещение с открытыми пролётами колонн в глубине. На первом плане с двух сторон поднимаются снизу две лестницы. В пролёты колонн видно небо, освещённое пожарами. Яркие клубы дыма и искр. Слышны звуки труб и рожков. Временами глухие удары камней и стенобитных орудий. Всё время, то удаляясь, то приближаясь, - лающая человеческая толпа: ау, ау, ау! Посередине за столом - старейшины. В пурпурных плащах. По лестницам снизу сбегают вестники, иногда истерзанные и раненые. (Общий тон картины похож на «Зарево».)

1-ый вестник (*продолжая весть*): ...Ими овладело безумие. Наши отступают. Вождь ошибся. Он вступил в переговоры. Он собрал пленных и отпустил их. Они всё высмотрели. Всё узнали. Сегодня они опять бьются. Им дали новое оружие. Они уверены теперь, что позволено всё. Думают, что они знают.

2-ой старейшина (*шепчет*): Опять переговоры! Или трус? Или глупец?

3-ий старейшина: Он отпустил заложников...

2-ой вестник: Они ворвались в школы! Избивают юношей! Гибнут надежды народа. Их терзают восставшие против знания. Учителям они угрожают.

3-ий вестник: Они захватили женщин. Влекут их. Насилуют. Если бы вы видели ужас! Они...

4-ый вестник. Они пробili стены Палаты. Захватили кованые сундуки. Похитили священные сосуды. Ломают. Похищают золото и камни.

5-ый вестник: Они волокли за ноги раненых. Они разбивают черепа о перила. Они сбрасывают в воду. Топят камнями. Врачей они убивают.

6-ой вестник: Подожжены лучшие здания. Разрывали изображения. Разбивали лучшие статуи. Книги уничтожали. Выпущены из тюрем все убийцы. Преступники стали во главе избивающих. Кто-то платит им золото. Я сам видел, как сыпали монеты.

7-ой вестник: Кто-то их опьяняет. Они грозят уничтожить знание. Здание Правосудия только что рухнуло. Я видел людей, обременённых добычей. Откуда столько грабителей? Неужели они скрывались здесь, между нами? Худо там, худо...

1-ая старуха: Они изнасиловали моих дочерей. Им всё можно. Говорят: «Старейшины, истребите злодеев!»

2-ая старуха: Месть грабителям! Они уничтожили целебные составы. Они издевались. Школа моя истреблена. Посмотрите на моих учениц Милосердия! Найдите их, уведённых войсками. Или это всё нужно? Вы мудрецы?!

3-ья старуха. Или вы обессилели, старейшины? Люди вы или нет? Или грабителей вы послали?

4-ая старуха: Или и вам заплатили золотом? За кровь наших детей?! Где ваше мудрое знание? Вы ослепли?

5-ая старуха: Моего сына тащили обнажённым. По камням тащили. И били! За то, что он был в школе. За то, что учиться хотел. Ваше знание искал. Учителей там задушили арканом.

6-ая старуха: Всех больных волокли по земле. Содрали с них одежды. Бросили их в подвалы укреплений. Неужели вы можете слушать мою весть?

7-ая старуха: Они в храмах плясали. Священнослужителей убили. Хо, хо! Хо, хо! Там весело. Теперь идут вас задушить. Хо-хо! Там весело. Красно там. У вас тут темно. Хо, хо!

7 стариков (*спеша и перебивая друг друга*): Они уничтожили все наши книги. Пропали знаки о новых звёздных путях. Изображения камней и толкования, в них заключённые, разорваны. Линии звуков нарушены... всё гибнет...

1-ый земледелец: Всё было спокойно. Мы кончали пашню. Готовились сеять. Вдруг всадник. Кричит: будут искать! Что искать, мы не знали. Будут обыскивать. А там уже идут убийцы. С оружием пришли. Начали убивать всех...

2-ой земледелец: Моим коням глаза выкололи. Овец заперли в хлев и сожгли. Овцы кричали человеческим голосом. Так громко...

3-ий земледелец: Топили в реке зерно. Искали школы, чтобы их уничтожить. Учителя избивали до смерти. Бороду вырвали. Дали молиться ему. Ждали. И растерзали потом. Спокойно терзали.

4-ый земледелец: Где помогающие? С трудом я пробрался. Всего оборвали... Куда надо сообщить? Меня прислали просить помощь. Там уже сожгли, может быть! При мне убили священника. Моего соседа, белого, ему сто лет, поймали, избивали. Не давали проститься с семьёю. Глаза выбили. Его сыновьям камни привязали на шею. Бросили... Куда сказать. Кто поможет!.. Научите... Я с ними прошёл... Я ничего не прибавил... Только правду... Соседи знают... Научите ж, куда сказать... Где помогающие?

2-ой старейшина: Видите? Чуете? Поняли? Теперь помогите! Молчащие!

Сумасшедший (*незаметно протолкавшись*): Где же пожар? А у них у всех крылья. Они летают - красные птицы. Я полечу с ними... (*Убегает.*)

Старейшина: Выйдите, старцы. Выйдите, вестники. Надо говорить просто. Так, как для всех. Мы обдумаем спасение знания. Наша скала неприступна. Велики запасы. Кто с нами, собирайтесь на нижнем дворе. И в храме. И по всем переходам. Идите! (*Уходят*). Братья, а вы думайте все. Если бы мы знали, что они хотят насадить новое знание. Но они хотят только разрушить. Они думают, что из разрушения само возникнет новое знание. Глупцы! Мнят, что толпа может творить знание...

2-ой старейшина (*перебивая*): Нет, они ничего не думают. Они идут путём лжи. Им надо только разрушить...

3-ий старейшина: Они одержимы тёмными силами. Но они их не видят! Тёмные сами!

Старейшина (*продолжая*): Но мы знаем, что противостоит их разрушениям. Умереть знание не может. Только народ всё ещё не уверен в бессмертии знания. Бедные! А мы знаем. И потому мы не боимся.

2-ой старейшина (*перебивая*): Но надо остановить ужас. Глупцы уже тронули то, что их уничтожит. - Знание! Просветлённое.

6-ой старейшина: Как могли народ обмануть?

8-ой старейшина: Где же мудрость!?

9-ый старейшина: Где благо?

4-ый старейшина: Как же могут быть вождями народа люди, уличённые в преступлениях? Неужели могут вести народ ко благу, которые сами творили зло?

5-ый старейшина: Они поведут ко лжи, они отдадут врагам землю!

Старейшина: Знание...

4-ый старейшина: Или приходит последний час знания?

Старейшина (*перебиваемый шумом*): Для знания нет последнего часа. Братья, мыслите! Вы сомнений не знаете. Нам толпы не страшны. Народный ум помутился. Слышали, и нам кричали, что мы продались. Кому мы можем продаться? Мы, мечтавшие всегда о дубраве! При блеске пожара я говорю о дубраве тишайшей. Но глупцы опять хотят отдалить радость мира. Единство им ненавистно. Для народа должны мы знание сберечь...

2-ой старейшина: Наше знание бессильно. Обернитесь. Смотрите.

7-ой старейшина: А я говорю, отдайте им всё. Пусть возьмут. Тайны им недоступны. Может быть, время пришло. Знание мы унесём. В дубраву уйдём. Или погибнем. Всё равно сохраним. Неужели вы будете с толпой состязаться? Разве для вас страшен огонь пожара? Вас он не опалит. Главное - сохранить знание. Время пришло. Огнём Владыкодохнул.

6-ой и 5-ый старейшины: Время пришло!

8-ой старейшина: Разве мы знаем время? Скрыты сроки! Вижу разрушение. Что-то должно погибнуть. Эти толпы погибнуть должны. Вожди их погибнуть должны. Что мы знаем?

2-ой старейшина: Помните, что в гневе и лицо пророка становилось страшным. Умейте быть грозным.

9-ый старейшина: Брат, ты знаешь, что углубление знания не приходит во лжи и насилии. Свободная мирная воля знание творит. То, что мы видим, не утверждает и не творит. Время ещё не пришло.

8-ой старейшина: Что мы знаем о времени? Ничего мы не знаем.

10-ый старейшина (*самый древний, как бы пророчествуя*): Грохочут железом обитые ворота. По каменному полу стучат спешные шаги. От града до града. Спешим. Куда ходим? Кто зовёт? Кто пылает? Вы кончили ваши дела? Кричат для молчанья. Горят. А пепел очистит... Близится время.

5-ый старейшина: Я предлагаю открыть плотины и затопить весь город. Волна сметёт безумцев.

6-ой старейшина: Вызовем грозу и ливень.

1-ый старейшина: При смерти множеств погибнут невинные. Нам нужно отразить восставших против знания. Их гибель принять мы можем, но остальных должны мы оберечь.

5-ый старейшина: Кто отличит восставших? Когда мятутся толпы? Во тьме? В огне?

3-ий старейшина: Время идёт. Надо призвать могучие силы.

4-ый старейшина: Безмолвный глас! Неслышный грохот! Призовите Су-рендру Гайятри.

5-ый старейшина: Гайятри ушёл от нас. Он людей уже знает. Он в тихой дубраве. Что заставит его вернуться? Вступить в огонь пожара?

Старейшина: Мы заставим его вернуться. Правда! Знание он защитит. Он откроет новые силы. Он придёт сам.

3-ий старейшина: Силы он призовет. От людей он уже давно удалился. Прояснил его глаз. Его воля чиста.

4-ый старейшина: Правда. Пойдёмте все. Будем молить.

11-тый старейшина: Не попытаться ещё толпу убедить? Объяснить им... Всем нам выйти. Знаменья дать.

Старейшина: Вчера уже отвергли они все соглашения.

2-ой старейшина. Идите к Гайятри. Он скажет, есть ли надежда ещё? Утром мне сообщили, что враг новый поднялся на нас. Этот на кораблях, при ветре попутном уже миновал острова. К нам плывёт, чтобы стадо злодеев усилить.

12-ый старейшина: А наше безумное войско встречаете восторгом врага.

8-ой старейшина: Не говорите так. Не надо так говорить. Это только предатели!

9-ый и 11-ый старейшины: Мы так мало знаем!

4-ый старейшина: Спешите к Гайятри. Кто идёт? Скорее!

Старейшина: Идите вы трое. Вы знаете тайны затворов ворот. К тайнику вы пройдёте. Ходом подземным выйдете за реку. Там в кряже скалистом у белого круга. Оттуда видны Синие горы. Знаете, Гайятри там, у подножья. В дубраве. Просите. Ведите. Скорей!

3-ий, 5-ый и 6-ой старейшины: Скорей! Скорей! *(Ушли.)*

2-ой старейшина: Хранилища можно было сберечь. Мы время имели. Уже три дня говорили вожди. Только безумец всё лгал. О толпах мы знали. Жидким огнём тогда можно было залить, спалить их. Приблизиться к ним самому. Начать самому. Если кто знает, что он защищает. Тогда знанию ничто не грозило бы. Дайте сказать. Среди огня и паденья скажу. Я говорил и писал вам. О ложном учении предупреждал...

8-ой старейшина: Не укоряй!

Другие: Не надо!

2-ой старейшина: Погодите... Я называл разрушителей. Письма прочтите. Всё, что я говорил, всё сбылось. О подкупах я говорил.

Другие: Не надо!

2-ой старейшина: Нужно знать. О зачатках сборищ вы знали. Вы знали прибывших подкупных убийц. И преступных вы сами сюда допустили. Пленники вы! Знание вы защитить не могли. Дайте, дайте скажу...

За арками — особенный грохот. Взлетают столбы искр. Старейшины спешат к колоннам и застывают, уцепившись за камни.

Все: Рухнуло хранилище книг!.. *(Шёпотом.)* Не унесли свитки... Рухнуло знание... После нас никто уже не упомнит... Рухнуло... Рухнуло... Погребено...

II картина

*Дубрава тишайшая. (В зелёном.) Гайятри кормит птиц.
На плечах у него - птицы. Проходит путник.*

Гайятри: Давно ли видел людей, брат?

Путник: Недавно от них я. Всё у них тихо. Все занимаются делами. Празднуют и торжествуют. Ищут забав. Почему ты ушёл от людей? Как твоё имя?

Гайятри: Я просто лесной. У меня здесь друзья. Их навестить я пришёл.

Путник: Скучно тебе?

Гайятри *(смеясь)*: Скучным я не родился. Светел мой праздник с друзьями.

Путник: Друзья твои люди?

Гайятри *(глядит птицу на плече)*: Друзей не выдам своих.

Путник: А ты не боишься, что люди тебя позабудут? Уйдут от тебя. Покинут. Слово людей не услышишь.

Гайатри: Люди не уйдут. Улетают птицы. Убегают звери. Не уйдут люди. Придут. Принесут тяготу. Радость ищу я.

Путник: Ты шутник. И весел. А знаешь ли страх?

Гайатри: Не приходилось...

Путник: Знаешь, когда стемнеет в лесу и звери с воем выходят. И змеи вьются на ветках...

Гайатри: А пострашнее ты ничего не придумал?

Путник: Или гроза и вихрь в горах? Это тоже ведь страшно?

Гайатри: Друг, есть вещи страшнее. Если ты любишь бояться. Тебе надо в город спешить. Там много страхов.

Путник: А если убьют?!..

Гайатри: Смотри, тамаринд на тебя упадёт!

Путник *(отскочил)*: Где? И который?

Гайатри: Друг, осторожней. Здесь бездонная яма.

Путник *(отскочил)*: Ты меня изведёшь.

Гайатри: Друг. Прочно стоят тамаринды. Крепка, как скала, здесь земля. Мирны здесь птицы, и звери здесь ласковы. Страхов здесь не найдёшь. В город иди. Там страхи собрались. За спиною стоят. Шепчут через плечо. Дуют на шею.

Бедные люди! Столько страха у них. Столько хлопот им страх доставляет. Бедные!

Путник: Ты шутник! Наговоришь тут. А к вечеру, когда приду в харчевню или на хуторе я заночую, и начнёт казаться. Тебе тут хорошо! *(Проходит.)*

Гайатри *(смеётся вслед)*: Не страшно со зверями и боязно за стенами харчевни. Люди! Когда звенят призывные песни птичьи, когда звенит всё нечеловеческое и хранит дубрава звон священный, тогда думаю о людях.

Молитва Гайятри:

Птицы Хомы прекрасные. Вы не любите землю.

Вы на землю никогда не опуститесь. Птенцы ваши рождаются в облачных гнёздах. Вы ближе к солнцу. Размыслим о нём, сверкающем.

Но Дивы земли чудотворны. На вершинах гор и на дне морей прилежно ищи. Ты найдёшь славный камень любви. В сердце своём ищи Вриндаван - обитель любви. Прилежно ищи - и найдёшь.

Да проникнет в нас луч ума. Тогда всё подвижное утвердится.

Тень станет телом. Дух воздуха возвратится на сушу. Сон в мысль превратится. Мы не будем уносимы бурей. Сдержим крылатых коней утра. Направим порывы вечерних ветров. Слово Твоё - Океан истины.

Кто направляет корабль наш к берегу? Майи, не ужасайтесь. Её непомерную силу и власть мы прейдём.

Слушайте! Слушайте! Вы кончили споры и ссоры?

Вот молитва моя! Порази в корень нищету моего сердца.

Песня, которую должен я спеть, ещё остаётся неспетой.

Ты призвал меня на праздник этого мира, и тем благословенна жизнь моя.

Могу ли я принести Тебе моё безмолвное поклонение,

Мою молитву, которую будешь знать только Ты?

Я пополнию сердце своё Твоим молчанием и претерплю его.

Но придёт солнце и утро, и Твоё слово вознесётся песнею над каждым птичьим гнездом. И Твои напевы расцветут во всех лесных чашах.

В дубраве - призывы.

Гайатри: Уже приходят. Ушла тишина. Благодать ушла. Зовут. Призывают. Отозваться нужно. *(Зовёт.)* Как на зверя - загоном идут.
Перекликаются.

Старейшины: Гайатри! От камней города ушёл ты под сень Араньяни... В благодатной тишине ты остался... Тебя мы зовём.

Гайатри: Куда?

Старейшины: Брань воздвиглась. Противу знания безумцы восстали. Они замыслили разбить священный сосуд. Мудрость Нильгири погибнуть должна. Гхат и Кхунда хребты поникнут теперь. Город Гайя погибнет. Фальгу река зарастёт.

Старейшины: Нет средств ужас разбить. Огонь и стрелы. Яд и смертельные громы льются и сверху, и снизу. Летят чёрные птицы. Враги заняли город. Школы разбиты. Те, кто стремится к знанию, убиты, замучены.

Старейшины: К тебе приступаем. Люди в беде. Ждём твою помощь. Требуем помощь. Покинуть их ты не можешь.

Старейшины: Забудь благую молитву. Ищи Смертное слово. Смертный глас ты найди. Проси заклятье победы.

Гайатри. *(поникнув)*: Прощай, Араньяни. Прощай, серебро и золото неба. Прощай, дубрава тишайшая.

Старейшины: Гайатри, наши зовы услышь. Мы к тебе приступили...

Старейшины: Молящиеся, сражающиеся, трудящиеся, служащие! Все ждут тебя, Гайатри: Все просят. Все надеются.

Старейшины: Все гибнут...

Гайатри: Араньяни! Араньяни! Пою я хвалу Араньяни! Матери дикого зверя, благоуханной, пряно-душистой, всех наделяющей пищей...

Старейшины: Не отступим! *(Следуют за Гайатри.)*

III картина

Заклинание на вершине горы. Лилово-синяя. Молния серебряная. Лучи на Гайатри голубые. Небо далёкое. Потом сгущается туча. На вершине круг белых камней. Гайатри ходит внутри круга, бросает стрелы остриём наружу и поёт заклятия. Сожигает травы по кругу и поёт второе заклятие. Входит на камень посередине и поёт третье заклятие.

Стоит в молчании, полный сил и воли. Над головой вспыхивают три голубых луча. Гайатри опускается на колени. Всею силою молит.

Гайатри: Лев и лебедь! Орёл и олень! Бык, лев, орёл! Бог земли, Бог звёзд и луны! Бог света и солнца! Индра!

Не дай чёрный век! Истожились силы. Уснул священный алмаз! Не отражает блуждающих духов. Не отвращает врагов.

Дай заклятье на злобу! Дай заклятье на силу! Заговор на победу!

Дай врагов отразить! Скажи слова Нагаима.

Дай силу Екзола. Дай смертное слово! Глаз смертный открой. Якшазы открыли сокровища людям. Ракшазы людей возносили. Самьяза, вождь сынов неба, бог-змий и тот учил силе. Азазиель и тот научил оружие ковать. Амаза-

рака и тот открыл тайные силы трав и корней. Они тёмные, злые. Ничтожные. А Ты можешь. Сила в Тебе!

Аллелу! Аллелу! Аллелу!

Ты бесконечный. Ты ведущий. Ты, пришедший в молчании. Не дай погибнуть. Мудростью вершин соверши испытанье. Я неотступен.

Аллелу! Аллелу! Аллелу!

Сгущается туча. Гайятри остаётся в земном поклоне, как изваяние.

Молния без грома.

Голос (сверху): Не дам тебе ни Екзола, ни Нагаима. Ни против войска, ни для удачи. Не дам тебе Заадотота, ни Аддивата - ни против вражды, ни для отщепенья. Не дам тебе ни Каальдеба, ни Альсибена, ни против злобы - ни для вреда и разрыва. Не дам тебе смертное слово. Смертный глаз не открою. Заклятья все соберу.

Альшиль! Альзелаль! Алальма! Ашмех!

Каальдальбала! Каальда! Кальдебда!

Оставлю! Забуду!

Анакс! Алюксер! Атаия! Атарс!

Покончу! Покину!

Дам другое. Вот имеет отражения силу. Власть никому не откроет. Слушай!

Идёт один. Идёт мирным. Идёт в белой одежде. Идёт без меча.

Всё сделанное тебе на них обратится. Всё желаемое тебе да получат. Зло и добро. Хотящий зло да получит. Хотящий добро - да примет.

Воздастся каждому. Иди. Не медли. Испытание конца я свершу.

Альм! Альм! Альгарфельмукор!

Во время гласа узоры молнии по небу. Серебро по лиловому.

IV картина

Широкий коридор со сводами. Наверху круглые окна. У стен расположился народ. С имуществом. С детьми. Старики лежат. Из глубины потом выходит старейшина. Некоторые работают. Другие лежат.

1-ая женщина: Кладов-то сколько опять захоронено. Будут искать!

Старик: Я, как только услышал, что идут, сейчас сложил монетки в горшочки и закопал... Поставил значки...

2-ая женщина: А кто их найдёт?

Старуха: Сосед наш. Тот сложил золотые в котелок и в озеро опустил. Заметил все камни. Там где-то около Морды...

3-ья женщина: А если вода убудет? На озере? Мужчина. Или зальёт все знаки?

2-ой мужчина: Кому эти все клады?

Старик: Как полегчает, так и выроем их. Сами возьмём.

Н.К. Рерих. Клад захороненный. 1917.

Мужчина: Сами ли?

2-ой старик: Слышали, что корабль, который первым бунт поднял, на скалу налетел. Потонул. Все утонули.

Женщина: Они шли без начальника. Мудрено ли?

2-ой старик: Тут не начальник! Тут перст! Указанье.

Старуха: Мы сами тут на корабле.

Мужчина: На обломках...

Старик: Здесь всё-таки тепло. Мы и не знали, что в скале так много помещений.

Женщина: Мы вообще ничего не знаем. Скоро даже забудем, сколько дней мы здесь затворились. Отрезаны.

Другой старик: А пища хороша. Обильно кормят. Только надолго ли. А потом вдруг перестанут. Да выгонят. Откуда тогда возьмёшь. И не выйти отсюда.

2-ая женщина: К ним пойдёшь.

3-ья женщина: А мне всё кажется, что наши не сумели согласиться. Ещё бы раз поговорить. По-хорошему.

4-ая женщина: Чего там изгонять знание! Да у нас и без того знания мало. Что мы знаем?

5-ая и 6-ая женщины: Ничего мы не знаем.

3-ий старик: Я говорил. Давно говорил, чтобы не напирали так уж на школы. Все учены. В наше время учились меньше, а знали, пожалуй, столько же.

8-ая женщина: И долго ли нас будут здесь держать?

9-ая женщина: Да уж они знают лучше нас.

8-ая женщина: Ты всегда за них.

Старик: И вообще пусть нам скажут.

3-ья женщина: Пусть всё скажут. Мне кажется, они что-то скрывают. Всегда что-то прячут.

10-ая женщина: Они любят таиться.

Мужчина: Зла мы от них не видали.

2-ой мужчина: Всё, что они показали, полезно.

Молодая женщина: И учат они хорошо.

2-ая молодая женщина: Ласково учат. От их учителей дурного слова не услышишь. *(Спрашивает мальчика.)* Хорошо тебе там, в школе?

Мальчик: Хорошо. Ух, хорошо! И объясняют здорово. А тот у нас толстый, такой добрый. И другой, нестриженный...

Старик *(перебивает)*: Насчёт ученья всё-таки хорошо. А только мы не знаем ничего.

4-ая и 5-ая женщины *(вместе)*: Да-да, не знаем.

Старуха: Надо бы спросить их толком.

Старик: На что у них надежда?

2-ой старик: А то от смерти да в тюрьму попали.

Старуха: Свету-то не видишь.

6-ой старик: А главное, надолго ли? Надолго ли?

Мужчина: Они знают. Не надо мешать им.

3-ий мужчина: Вестники говорят, что ещё очень беспокойно.

4-ый мужчина: Утром говорили, что битва ещё идет. О каких сроках думать?

Старик: Всё ждём. И счёт дням потеряли. Вести всё хуже и хуже. Мы умрём с голода.

Внук *(подросток)*: Дедушка, а если нам взять деньги от тех, тогда мы не умрём. Многие взяли их деньги и живут весело. У них песни и пляски. Мне говорили...

Старик: Замолчи. Тут оглупеешь с вами. Тоже сказал: взять деньги. Их деньги жгутся.

Женщина: Многие взяли и не обожглись.

Старик: Но зато мы охраняем знание. Так нам сказали.

Старуха: Оглупел ты со своим знанием.

Старуха: Будем ли мы избавлены от всех разрушавших храмы? Только когда их не будет, можно вздохнуть. А то начнёт подозревать невинных... Не ты? Не ты ли? Не был ли с ними?

Старуха: Нам нужно знать, что их уже больше нет. Не существует.

Старик: Тогда мы успокоимся. Но всё-таки пусть нам скажут.

Старуха: Ведь можем же спросить.

Другой старик: А? Хорошо бы узнать.

6-ая, 7-ая и 8-ая женщины *(вместе)*: Правда, спросим?

3-ья старуха: Пошлём кого потолковей.

4-ая старуха: Пусть мужчина этот сходит.

Старик: И я схожу. Узнаем.

Старуха: А то сомнение всё.

Те идут по коридору.

4-ая старуха: Пусть пошли. Тут недолго.

6-ая старуха: Тоже не знаем... Что вышло с нашими? Где они остались? Когда затворялись, не видать их было. Рассеялись! Точно ветром раздуло.

9-ая старуха: Может быть, тоже схоронились где-нибудь.

Старик: Тут такое обширное помещение, что мы не знаем толком, кто здесь собрался! Пускали с разных ворот.

Старуха: Эти наши, хоть и женщины, а тоже воевать собрались. Снарядились. Ворота охраняли.

Мужчина: И охраняли храбро. Такие подобрались расторопные.

10-ая старуха: А как они захватили моего мальчика, потащили, он-то бьётся! Кричит во весь голос. А они-то копьями по головке так и норовят... Продались им наши начальники...

Женщина (*под чёрным покрывалом*): А мой-то! Мой мальчик!

Все (*шепчут*): Не трогайте её... Она поклялась мстить.

Мужчина: Сколько мстителей! Страна содрогнётся от мести.

Старуха: А разве мы забудем? Ещё увидишь, как припомним.

Другой старик: Не забуду!

По коридору идут старейшина и посланные. По пути старейшина останавливается, наклоняется к лежащим, возлагает руки. Все копошатся и двигаются за ним.

Старейшина: Братья! Вы хотели, чтобы я сказал вам. Будьте спокойными. Кто здесь затворился - выйдет спасённым. Приняты меры. Вам здесь не угрожает ничто. Запасы наши велики. Защищены наши входы. Злодеи сюда не проникнут. Вы здесь в обители знания. Помните и теперь, и после, всегда: вас защитит только знание.

Старик: А долго ли нам здесь оставаться?

Старейшина: Это не знаю. Вокруг нашей твердыни кипит ещё битва. Конца я не вижу. Но знайте: вас здесь брань не коснется. Отсюда ваш путь только во благе.

10-ая старуха: Ещё позволю поспросить. А будет казнь злодеям? Такая, чтобы земля содрогнулась.

12-ая старуха: Почернели бы горы.

8-ая старуха: На деревьях листья б свернулись.

Старик: Злодеев казните?

Старейшина: Будет суд справедливый. От суда они не уйдут. Всё будет ко благу. (*Уходит.*)

Старик: Слышали, как грозно сказал: «Будет суд!»? Старуха. Там их рас судят!

10-ая старуха: Я бы так рассудила, чтобы по всему свету помнили казнь.

Другой старик: В старину убийцам и грабителям заливали горло свинцом, а перед тем отрубали обе руки.

Женщина: Кормить и гнать. Подлечить и гнать. Чтобы не имели ни минуты покоя.

Мужчина: Чего тут возиться! Отрубить головы.

Старуха: Вот так, просто срубить голову. Что же это за казнь. А вот выдергать их волосёнки, осмолить, обвалить пухом и возить по базару.

Старик: В клетках держать!

2-ой мужчина: Велику клетку надо построить, чтобы вместила убийц.

4-ый старик: Ещё тут с клеткой трудиться. Повесить! Поддержать, поддержать, да отпустить. Да опять вздернуть!

2-ая молодая женщина: Сколько злобы-то. Злоба-то велика.

6-ая старуха: Нет, слушайте. Вот я скажу: ослепить их. Да вывихнуть руки, так и пустить бродить их по свету. Вспомнят тогда на досуге все свои гадости.

2-ая старуха: Ещё тут кормить их придётся. Будут шляться, канючить... Народ зла долго не помнит, начнут с ними возиться...

Женщина: Только всех объедят. Будут таскаться...

Старик: Мелких преступных пускали с клеймом и без ушей. А всех убийц и злодеев казнили смертью. Скоро казнили. А казнь была по заслуге. Рубили помост. Видный для всех. Палачи на нём и казнили. Народу всегда ходило много...

5-ый старик: Всё началось, когда отменили смертную казнь. Я сразу тогда говорил, что не к добру. Как же человеку без казни прожить?

Старуха: Мы вот все соберёмся, когда будут судить. И подадим прошение. Скажем, чтобы была смертная казнь. Чтобы судили по-Божески, без слабостей человеческих.

4-ый старик: И подадим. Приступим крепко. Так и напишем, как в старину: поднявший меч от меча да погибнет. Так всегда говорили.

3-ья старуха: Справедливо. Весьма справедливо. Напишем и подадим. Приступим крепко.

5-ая, 6-ая и 7-ая старухи (*вместе*): Неотступно приступим.

8-ой и 9-ый старики: Мы не сдадим.

10-ый, 12-ый и 14-ый старики: Наша воля.

Завеса

V картина СТАРЕЙШИНЫ

В башне. Огневое освещение. Сидят около стен и работают. Пишут. Чертят. Складывают листы рукописей и изображений. Работают углублённо и спешно.

Женщина-воин (*контральто или альт*).

Поёт за сценой

Огни на горах зажигайте!
Те, что на нас поднялись,
Назад уже не вернуться.
Жгите светлее огни,
Осветите им путь последний.

После пения - молчание. Шелестят листы свитков.

11-ый старейшина: Тишина-то какая! Ведь мы забыли о ней. Творить. Складывать. Узнавать. Какая радость!

12-ый старейшина: Откуда в народе зверь поднялся? Когда не видишь народа - так к нему тянет. Так хочется учить его. Но и пророк говорил: дурным людям кланяйтесь издали.

2-ой старейшина: А когда вместо человека выходит зверь. И мы не знаем его речи. И он не понимает слов человеческих. Тут уж не близко и не далеко. Просто нет сообщения.

3-ий старейшина: Неужели это всё нужно? Неужели нужны крупницы зла, которых так много разлетелось? Гибельно осядут они на народе. Мы можем уйти. Они ведь не могут уйти...

7-ой старейшина: Надолго, надолго мрак!

8-ой старейшина: Но и звери не грызут друг друга!

10-ый старейшина: Нельзя себе ничего представить. Воображение бес- сильно. Откуда эта подкупность? Откуда кровожадность? Грабительство откуда? И глупость, и мерзость - всё вместе.

2-ой старейшина: И сколько подвигов! Точно ненужных... Сколько ге- ройства и силы проявилось наряду со зверством. И точно ни к чему.

3-ий старейшина: Кто знает. Мы ничего не знаем.

2-ой старейшина: Главное - работайте. В том, что мы делаем сейчас, столько прелести. Всё это не для нас. Нам это всё не нужно. Всё это безымян- ное передаётся кому-то нам неизвестному. И он никогда не будет знать, какие люди это творили. Была ли у них радость, могли ли чувствовать они горе. По- знающий будет считать нас, кто знает, какими мудрецами...

Старейшина: А мы ученики...

4-ый старейшина: Работники без дня, без срока...

5-ый старейшина: Научится когда-нибудь народ работать? В жизни столько облегчений внесено, а всё становится труднее и сложнее. И перед нами непочатая работа. Всё сначала.

3-ий старейшина: Смертельно жаль сокровищ творчества. Уже века они прожили, радость получали - и для того, чтобы погибнуть от тёмных рук. Другие люди, те, что были раньше, - те стражи были лучше. Их сберегли они. А нам досталась судьба предать их черни.

10-ый старейшина: Мы много ужасов ещё не знаем.

8-ой старейшина: Страшней вестей воображение не вмещает. Разграб- лены сокровища Кремля. И храмы сожжены. И стенопись тончайшая погибла. Нерукотворная резьба смелась незаменимо. Подумайте - незаменимо! Поду- майте, как языки огня лизали стены храма. И в пламени испепелялись лики. А нимбы в пламени сияли. Чтобы исчезнуть. Невозможно верить таким вестям.

2-ой старейшина: А тот безумец или глупец ещё писал: сложить все достояния в кучу. Грабьте. На всех вас хватит. К кому он обращался? Кого он призывал? Безумец старый. Не знал он ничего. Не знал он человека. Не знал путей... Был тёмный дух его...

9-ый старейшина: Вызвать силы может всякий. Заклясть их, обернуть в пределы - на это нужно знание.

8-й старейшина: Разгромлены сокровища Кремля! Ужасно знать!

2-ой старейшина: Ещё страшней, стыдней, что все узнают. Зачем такой народ наш? Нигде я не читал, чтобы народ уничтожал своё всё достояние сам. Чтобы своё могущество рассеял сам.

12-ый старейшина: Всем странам на презренье. Нигде я не читал, ни- где народ своими руками не уничтожил достояние своё. И, наконец, своих во- ждей они схватили и их же мучили. Пытались сжечь. Сварить в котлах хотели.

10-ый старейшина: Безумие. Позорное безумие. Разве это люди?

Старейшина: Перед победой знания всегда возможен бунт дикой черни. Мрак борется со светом. Все бои последние - всегда страшнее! В этом движе- нии учения не ищите. Тут бунт! Грабёж! Захваты! Стремление личное к обога- щению. К власти. Малое знание страшней всего. Доносят нам, что вожаки вос- ставших уже в бессилии стремятся скрыться, уйти от власти.

2-ой старейшина: Какая власть, когда и хлеба они достать не могут. Опять мы хлеб достанем. Чем заменить его, мы знаем. Лишь бы не замерла

душа народа. Её восстановить задача долгая. Чтобы учение тела не взяло верх над духом... (работают).

Старейшина: Опять мы за работой. Точно ничто не случилось. Дни безумия уже кажутся далёкими. Их отделяет от нас воскрешаемое знание. Кое-что мы успели записать. И сохранить. Наши тайники никому не известны. Подземные ходы стали сказкою. Уже давно не живут построившие их.

2-ой старейшина: Но о ходах всё ещё говорят.

Старейшина: Говорят, но ничего не знают. Остались молва, сказки. Но найти их ещё нельзя. Сквозь эти скалы ни глаз, ни рука, ни сердце ещё не проникнет. Ещё нужны тайны.

8-ой старейшина: Мне напомнила наша работа, как мы и ещё те, которых нет с нами, так же трудились, когда кончали наш главный тайник.

3-ий старейшина: Много, что мы опять подтверждаем, уже внесено в тайники.

2-ой старейшина: Наверно! Но лучше подтвердить. И потом в этой работе время идёт незаметно.

10-ый старейшина: Я утратил состав лучей для знаков Урану. Те, что для Сатурна, недостаточно сильны.

12-ый старейшина: Не забудь о Кассиагене.

Старейшина: Сколько ещё записать необходимо. Конечно, жаль Александрийские свитки, но содержание их нам известно. А формулы в них неточными бывали. Не знаем, которым из списков мы владели.

7-ой старейшина: Я записал последнее пророчество. Так ли помню его: «Слушайте, гнушающиеся правосудием и искривляющие всё прямое, созидающие город кровью и царство преступлением. Там, где судят за подарки, и получают за плату, и порицают за деньги. За вас дома будут распаханы плугом, и гора храма станет лесистым холмом. Выйдет чудовище. И наполнит город. И пожрёт самое себя».

Старейшина: Последнее иначе: «И возникнет чудовище. И наполнит землю! И воздаст себе!» Пророк так говорил. Но время пророчества установить трудно. Думается, что оно к безумию нашему...

5-ый старейшина: Как знать! Мы ничего не знаем.

2-ой старейшина: Ведь это было последним указанием. После него Пророк удалился.

8-ой старейшина: Ничего равного нашему безумию нигде не возникало теперь.

10-ый старейшина: А это старое пророчество. Помните? *(Находит список и читает.)* «**Близок день, близок - и весьма поспешает. Горько возопит тогда и самый храбрый. День гнева, - день тот, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного клича против всех укрепленных городов и всех высоких башен. И стесню я людей, и приведу их в трепет, и они будут ходить, как слепые, потому что они согрешили, и разметана будет кровь их, как прах, и плоть их - как помёт. Ни серебро их, ни золото их не спасёт их в день гнева, и огнём пожрана будет вся эта земля, ибо смерть и истребление свершится над всеми жителями земли**».

Не к нам оно?

3-ий и 2-ой старейшины: Кто знает!.. Это давнее.

Старейшина: И всегда будут повторять его. Ещё непрочно знание. И ещё много раз отступит оно от мира. И бесчисленно раз предаст мир знание. Укрепим тайники наши и утвердим сокрытые ходы. Они ещё нужны. Ещё долго нужны.

3-ий старейшина: Исчезнет всё, разбираемое нами. Испепелятся листы. Камень прочнее всего. На каменных плитах надо запечатлеть знание и раскидать по вершинам. Или сложить в тайниках храма...

5-ый старейшина: Всё тайники. А когда же праздник знания? Когда можно будет доверить знание людям?

2-ой старейшина: И будет, когда наследие наше вынесут всенародно и безопасно для знания!

3-ий старейшина: Как знать? Мы ничего не знаем.

8-ой старейшина: Будет всё-таки... Будет свет... Будет радость. И наша страна не погибнет!

Вносят вождя.

7-ой старейшина: Вот и ещё нам защитник. Последний защитник.

Врач (*старейшине*): Остриё я не вынул. Это продлило на минуту жизнь его. Он хотел вас увидеть.

Вождь: Там ослабели. Стрелки за башней остались. Камнеметатель разрушен. Спросите. Кажется, жидкий огонь на исходе. В ворота «Гоненья» впустили всех меченосцев. С ними немного лучников ещё оставалось. И затворите ворота. И сдвиньте скалу. Сюда не взойдут. Не выйдем и мы. Впрочем, я уже ухожу. Меченосцев хвалите. Такую защиту вы никогда не имели. Мне трудно. Наложите руки. Легче. Отгоните. Или не успею сказать. У верхних зубцов хранился жидкий огонь. Сверху можете лить. Если бы тот не солгал. Если бы пленных не отпустил, всё было бы иначе. Я ведь не хотел... Я говорил... Вы знали...

Старейшина (*возлагает руку*): Брат, мы знаем. Ты идёшь героем. Ты приготовил себе путь славный. А здесь? Никто не живёт вечно, брат, и ничто не длится долго. Помни это и радуйся. Знание драгоценно для нас, потому что никогда не достанет у нас времени им овладеть. Всё завершается в вечных небесах. Но земные цветы мечты вечно цветут. Брат, помни это и радуйся... Он радуется уже не с нами. Героя в храм отнесите.

Всё будет так, как должно быть.

Старейшина: Всё будет так, как должно быть. Опять ждём мы. Не будет соглашения. Мы будем долго отрезаны. Разве нет у нас очага? И кто ожидает возврат наш? Очага, услаждённого ласковыми заботами? И свет очага погас ради знания.

10-ый старейшина: Мы мало знаем.

7-ой старейшина: Ничего мы не знаем. Мы ещё не умеем исчезать. Мы не имеем смертного глаза.

3-ий старейшина: Мы ещё не можем строить словом. Сдвигать жезлом громады и скалы.

Старейшина: Но вы уже знаете, что это всё бывает. Разве это не знание? Мешала вам боязливость. Мешала приверженность толпе и земле. Но всё-таки и вы уже можете распознавать содержание земной глубины. Вы творите пищу. Вы уже куёте ковкое стекло. Вы уже знаете омываемые огнём несгораемые

одежды... Вы сноситеcь с планетами... Многое, что уже знаете. Могли бы знать уже несравненно больше.

11-ый старейшина: И как далеки будут для каких-то неведомых нам людей все наши мысли и беспокойства.

Самый древний (*бормочет*): Агламид, повелитель змия, Артан, Арион, слышите вы?.. Лев пустынного поля... Сгинь, пропади, лихой...

Старейшина: Зачем зря повторяет? То, что имеет иное значение?

8-ой старейшина: Нам надо пытаться. А если Гайятри не придёт? Его не найдут? Если он удалился в пустыню? Или скрылся в камне? Надо пытаться. Надо самим призывать силы. Кроме нашего знания, мы не знаем много.

3-ий, 4-ый и 9-ый старейшины: Не знаем. Не знаем.

2-ой старейшина: И всё-таки что-то уже близко.

3-ий старейшина: Началось, когда из жизни ушла тишина.

11-ый старейшина: Но можно ли было думать, что опять в жизнь войдёт разрушение?

12-ый старейшина: Если уничтожались древние царства, если стирались города до земли? То отчего не могло опять придти разрушение? Знание ещё не совершенно.

2-ой старейшина: И потом, эти чужие. Зачем пришедшие? Знание они всегда презирали. Их наука была так бедна и ничтожна. Дальше ничтожных границ тела они не пытались идти. А зло несовершенства породило уродство.

Старейшина: С высокой ступени сверглоcь человечество. Когда поднимется вновь?

2-ой старейшина: Чем поднимется?

3-ий старейшина: Кто остановит безумство?

12-ый старейшина: Пути в пророчествах. Трудно понять их. Но теперь поняли мы, о чём сказано было: и возникнет чудовище! И наполнит землю! И воздаст себе! Так? Что это значит? И воздаст себе.

2-ой старейшина: И всё-таки что-то уж близко. (*Слушает.*)

3-ий старейшина: Надо открыть окно.

Старейшина: Не открывайте. При огне соединим наши желания. Сделаем круг. Сомкнитесь. Желайте. Если мы, умертвив желания, все пожелаем сразу, это создаст чудную силу.

В башне вихрь колеблет пламя. Стук в дверь.

Старейшина: Надо спросить...

Женщина (*вооруженная*). Чудо! Чудо! Откройте!

Старейшина: Кто пришёл? Войди!

Женщина: Чудо! С башни Духа заметили мы странное. Какая-то весть обежала врагов. И смутила. К бою прибрались они. Ожидали. Но от нас отвернулись. Вдали уже бой разгорелся. Мы слышали рёв. Камнемёты гремели. Целые полчища выли. Кому-то грозили. И устремлялись куда-то. От близости чуда мы трепетали. И ждали. И вот замечаем. Идёт там один. Идёт мирным. Идёт в белой одежде. Идёт без меча.

Старейшины Что случилось?

Женщина: Идёт. Идёт белый и тихий. Без копья и меча. Без зла и угрозы.

Старейшины: Что случилось?

Женщина: Пустили враги в него стрелы, натёртые ядом. И стрелы обратились, их самих поразили. Другие метнули копья в него. И упали пронзёнными. Ядом плеснули - и попадали в корчах.

Старейшины: Что случилось!

Женщина: Пустили жидкий огонь - и вспыхнули все. Полчища гибнут своею рукою. Злобою дух преисполнен. Местью сердце раздулось.

Старейшины: Что случилось!

Женщина: Рушат и жгут. Отравили озёра и реки. Бросили огненный дождь. Прокричали проклятья. Горят и тонут. В корчах чернеют. Режут и душат сами себя.

Старейшины: Что случилось! Забыли добро. Добрый глаз затемнили. Вот случилось!

Женщина: Гибнут безумные. Силой врагов проходит он город. Прошёл селенья, врата и мосты. Гибнут безумцы. Он стоит. Велико его знание. Он близко. Идите. Встречайте.

2-ой старейшина: Пришло!

Старейшина: Зло замолчало. Он - Гайятри - пришёл.

Спешат.

Завеса.

VI картина ЗАКЛЮЧЁННЫЕ

Подземелье. Сине-зелёное. На первом плане силуэты многочисленных узников. Звяканье цепей. Сзади мутно-зеленоватая стена. Через неё потом появляется Гайятри.

1-ый осуждённый: Один человек противу всех пошёл.

2-ой осуждённый: Сила у него. Если бы ему на пути попались, не были бы мы здесь.

3-ий осуждённый: И здесь нас не помилуют. Вот увидите. Придумают что-нибудь.

4-ый осуждённый: На рудники пошлют. Девятый осуждённый. А мы убежим.

5-ый осуждённый: Всякий надеется убежать. В этом сила. Только без головы ноги не побегут: А голову-то нам снимут. Не убежать!

6-ой осуждённый: Снимут голову! Ох снимут!

2-ой осуждённый: К диаволу этого колдуна. Испортил всё дело. Власть была за нами. Всё было наше. Имущества были наши.

8-ой осуждённый: Наши – да не совсем. Старейшины да иноземцы нас не признали.

6-ой осуждённый: К диаволу иноземцев. Нам на них не жениться. А вот, нам головы срубят.

4-ый осуждённый: Всё бы дал, чтобы утечь, убежать. Спрятаться да пересидеть где-нибудь. Вид изменить.

10-ый осуждённый: Боюсь смерти! Всегда боялся.

2-ой осуждённый: Когда чужое стащил, небось не боялся смерти.

3-ий осуждённый: Если кто вызволит, поклонюсь земно.

6-ой осуждённый: Всё отдам! Обещаю уйти далеко. Правда, уйду! Диавол с ним! Пусть остаются, лишь бы отпустили.

10-ый осуждённый: Только не отпустят.

Все. (*глухо*): Не отпустят.

Гайатри (*появляется через стену*): Хотите, чтобы вас здесь не казнили?

Осуждённые (*шепчут*): Он, он! Осторожней!

3-ий осуждённый: Господин, просим тебя нас избавить и помиловать.

Все. Помилуй от казни.

6-ой осуждённый: В могуществе своём пощади нас.

8-ой осуждённый: Только бы нас отпустили живыми.

1-ый осуждённый: Если не избежать рудников, это ничего. Мы отрабotaем.

Гайатри: И убежим. Думаешь ты.

Все: Мысли знает... Осторожней.

Гайатри: Как мыслить осторожней? Зло скроете в словах, но в мыслях зло явно. От казни здесь освободить могу вас. Если вы это хотите сами. Если вы решили просить об этом. Скажите.

Все: Господин, мы просим. Смиренно просим. Очень смиренно просим. Убереги от казни. Помилуй. Только бы нас отпустили. А мы уйдём. Поклянемся. На чём хочешь поклянёмся. Ты будь спокоен.

Гайатри: Я слышу. Вашу просьбу я исполню. От казни здесь я вас освобождаю. Сказал я. Но только здесь. Казнь здесь вас минет. Так решено, если сами вы захотели. Вольным путём идёте вы. Теперь я покажу вам, что увидеть вам нужно.

Показывает картины, выступающие на стене.

Осуждённые: Кто эти прокажённые? У них обнажились кости. У них отваливаются члены.

Гайатри: Это вы!

Осуждённые: Их кормит девушка, так чисто одета. Она из знатных.

Гайатри: Вы её замучили теперь.

Осуждённые: Какие страшные слепцы. Голодные. Они грызут кость. Отняли у собаки.

Гайатри: Это вы!

Осуждённые: Смотрите, тонут. И ледяные волны. За лёд схватились. Коченеют. Лица страшны.

Гайатри: Это вы!

Осуждённые: Один схватился. Кажется, спасётся.

Гайатри: Он тоже согрешил, но был убит. Его судьба не так жестока.

Осуждённые: Волки разрывают человека. Глаза вырвали. А жив он. Изгрызли ноги. В грудь впились. Другому перегрызают горло.

Гайатри: И это вы!

Осуждённые: Мальчишки гонят человека. Бросают камни. Голову пробили. Подшибли ногу.

Гайатри: Он из вас!

Осуждённые: Мятежные полки на копья подымают. В ров бросили. Живых. Друг друга давят. Шевелятся, как черви.

Гайатри: И это вы!

Осуждённые: Сгоревшие в пожаре! Отравленные ядом! Бесконечные муки! Смотреть нельзя. Не надо.

Гайатри: Вы многого не знаете ещё, что вам грозит. Определено вам. И неизбежно. Вы слышите: для вас всё это неизбежно. Эти ваши цепи вы сковали

крепко. Ничто их не разрушит. Я показал судьбу вам. Вы просили избавить вас от казни. Я обещал вам. От казни вас избавил. Чтобы свою судьбу вы претворили в жизнь.

Осуждённые: погоди, не уходи теперь. Ведь ты устрашал нас. Мы знаем, что ты устрашал. И устрашил. Страшно стало. Ведь мы можем изменить судьбу. Мы убьём друг друга.

Гайятри: Судьбу измените вы! Ухудшите её! И новые века страданий вы призовёте. Подумайте: века! Тысячелетия! Необъяснимые страдания, без выхода, без облегчения. Без оправдания! Вы будете искать спасения, не помня, что закрыли путь к нему вы сами, только сами. Строители несчастные! А изливать вы будете печали и жалобы на всех. Вы созданы свободными. Вы сами куёте каждый шаг. Вы кузнецы! Себе сковали цепи! *(Исчезает.)*

Подземелье темнеет. Осуждённые воют.

VII картина СУД

Портик перед площадью. Яркое утро. Небо золотое. Богатое. Вдали вершины башен. Золотятся. Внизу, на площади, невидимый народ. Чуть видны руки осуждённых в цепях, когда они их поднимают. Видны острия копий и знамёна. По сторонам сидят старейшины. Снизу, с площади, всходят выборные цехов.

Писец *(оканчивая чтение акта.)*: ... народному суду повинны. Казнь изберут по голосам от цехов избранные. Если повелит голос избранных помиловать преступных - так будет. Если изберут род казни через лишение жизни - и это будет.

Старейшина *(страже)*: Скажите, пусть выйдут цехи.

Стражник *(сходит с лестницы)*: Идите. Кто выборные. Судить идите.

Слышны звуки рогов. По лестнице поднимаются выборные. Каждый цех отдельно, со значком. Становятся посередине.

Старейшина: Пусть совершится суд человеческий. Вы помните слова пророка: «Мне отмщение, воздам я». И помните, что жизнь дана не нами. Мы даём лишь тело. И прекращает жизнь сам рок, в его законах слепо наше зрение. Его велений не уловит слух. Мы обещали вам предоставить суд. Возможность эту теперь мы вам вручили по вашей просьбе неотступной. Судите.

1-ый выборный: Такого преступления никто из нас не помнил и не знал. На этот раз считаем мы необходимым воздвигнуть казнь смертную. Чтоб помнили её. Чтоб поколенья наши знали, что есть гнев народа. Приговорили мы преступных четвертовать. Рубить сначала руки, затем уж ноги. Проколоть язык и голову срубить. *(Подает старейшине лист и отходит.)*

2-ой выборный: Поручено мне передать наш голос, постановивший злодеев по базарам всем прогнать плетью. Потом по городам повесить и месяц не снимать. Такое наше слово.

3-ий выборный *(священник)*: Помыслили в собраньи мы: изгнать злодеев, а буде кто вернётся - тогда лишит уж жизни.

Внизу недовольство народа.

4-ая выборная: Мы поклялись им отомстить. Должны вы их клеймить клеймом позорным и нам отдать на полный произвол. Или заставим их работать за убитых, или вольны предать их смерти. А смерть мы изберём.

5-ый выборный: Казнь наименьшая - лишение головы. Но, помня о злодейском преступлении, постановили мы усилить казнь. Послать на рудники на время, не меньше трёх лет. Чтобы тягчайшая работа производилась не меньше двадцати часов подряд. Но чтобы жизнь не прекращалась. А там уж после срока работ казнить лишением головы.

6-ой выборный: Мы избрали короче, казнь. На барках всех вывезти далеко в море и утопить.

7-ой выборный: Избить плетьюми и головы срубить. Но перед тем их выставить народу, чтоб гнев народный мог излиться.

8-ой выборный: Всегда мы были против казни, но на этот раз решили казнь возобновить. Род казни пусть изберут старейшины.

9-ый выборный: Род казни нам безразличен, но требуем казнь смертную.

Гайятри (*появляется впереди выборных, весь в белой одежде*): Остановитесь, мечтавшие о казнях. Я победил, и мне принадлежит назначить казнь. Велико преступление. Казнь должна быть велика. Ваши казни ничтожны. И кратки. Я наложу казнь жесточайшую. Перед ней все ваши измышления погаснут. Противу знания преступление тяжко. После него молчит милосердие. Вот! Пусть живут те. Цепи с них снимите. На свободу отпустить. Они уже сковали судьбу свою. И знают, что их ожидает. Вы знайте одно: их жизнь берегите. Всякое лишение жизни улучшит их судьбу. А если помыслят себя убить, тем хуже им...

Народ: Он отпустил злодеев! Как знать? Он знает. Он победил. Мы не можем. Он сильный.

Гайятри: Я победитель. Казнь я назначаю. Я избрал жесточайшую казнь. Не будем противиться их жизни. (*Громче.*) Вы там! Вы останетесь живы! Вас никто не тронет. Всё, что сковали вы, исполнится теперь. Снимите цепи. Стража! Снимите. Сюда несите цепи. Цепи людей не нужны.

Внизу снимают цепи. Груды цепей вносят и складывают на полу.

Лучи солнца проходят по Гайятри.

Стражник: Злодеи просят тебя!

Гайятри: Пусть! Я знаю.

Преступники (*вздымают руки*): Гайятри, казни нас. Так нельзя. Мы боимся. Всё это к нам приходит. Ночью приходит. Каждую ночь мы не спим. Открыть глаза боимся. Убитые стоят. И шепчут что-то. Не знаем, что делать. Пусть возьмут головы. Ты знаешь. Ты показал нам...

Гайятри: К вам не выйду. Меня не найдёте. Будете жить. В страхе или смятении. И смятём следы их шагов.

Преступники воют. Народ шелестит шёпотом.

Гайятри (*народу*): А вы пойдёте мирно. Будете трудиться. Будете слагать свою судьбу. Домохозяйева, послушайте! Вам очень трудно быть праведными. Препятствия во всём. Вы знаете их хорошо: болезни, горе, бедность и несогласия в домах! Но люди иногда должны уединяться, жить в одиночестве, бороться

ся изо всех сил, чтобы постигнуть Духа. Иногда полезно ненадолго оставить дом, ответственность, тревогу и заботу. Не быть среди людей и о делах, так нужных миру, не думать. Жить одному или увидеть окрепшего, святого человека. Ищите подвиг. Работать научитесь. Признайте единую власть знания. Власть светлую, ведущую без страха и ужаса. Учитель есть. Бог есть! Творящий Дух. Во всём умеете узнать его блестящий облик.

(Тише.) Думайте. Углубитесь. Когда я шёл сюда, никто добром и не помыслил. Сколько притворства. Крался согбённый старик и пытался кинжалом ударить. Прекрасная женщина молила остановиться, для того чтобы ядом плеснуть. Юноша казался больным, чтобы метнуть копьё. Тогда они уже догадались, что их удары безвредны для меня. Но всё же пытались. Обострили свою всю силу на вред мне. И ни одной попытки добра. *(Задумывается.)*

Осуждённые: Казни!

Гайятри: Нет, будете жить. Ваши вожди уже истреблены. Они истребили сами себя. Они не нашли в себе благой силы. А вы, что в темноте с ними встали, - будете жить. И будете - помнить. И будете - знать.

Осуждённые: Казни! *(Воют.)*

Гайятри: Нет!

Осуждённые: Казни!

Гайятри: Нет.

Осуждённые воют.

Гайятри: Когда сердце начнёт ожесточаться, ты, Знающий, повели облаку благодати низко спуститься с вершины.

Старейшины встают и воздевают руки.

Дай силу высоко вознести дух над уловками жизни.

Дай не преклонить колени перед дерзким владычеством.

Когда желание ослепит дух ложью и прахом, приди, Бодрствующий, молнией и громом. Пошли Твою бурю, полную ужаса и смерти, если так угодно Тебе, и мечами молнии потряси мир от края до края.

Слушай, Слышащий. Молю. Источник слов моих знаешь.

«Где мудрость страха не знает.

Где мир не размельчён ничтожными домашними стенами.

Где знание свободно. Где слова исходят из правды.

Где вечно стремление к совершенству. Где Ты приводишь разум к священному единству.

Там дай проснуться, моей Родине».

Солнцу.

Как увидим Твой лик? Всё сияет светом Его. В темноте сверкают крупинцы Твоего сияния. И в моих закрытых глазах брезжит чудесный Твой свет.

Конец

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Рукопись.

ФИНЛЯНДИЯ

«Иногда по явному неведению нас считают эмигрантами, но ведь Вы знаете, что по болезни мы поехали в Финляндию в Декабре 1916 года и никогда ниоткуда не бежали...» (Из письма Н.К. Рериха к Рудзитису Р. от 14. 06. 39.)

«Шестнадцатого Декабря 1916 года мы выехали в Финляндию.

Карелия была хороша для моих нескончаемых бронхитов и пневмоний. Вернулись, началась работа с Горьким. Мелькнуло приглашение быть министром Изыщных Искусств.

Но ползучая пневмония в начале Мая заставила ехать в Карелию, где у нас с Декабря было снято имение Юхинлахти в ладожских шхерах.

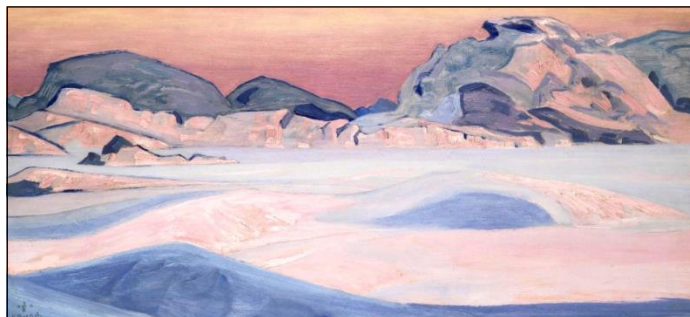
Затем события совсем прервали сношения...»

«В Сердоболь мы выехали в Декабре 1916 года - врачи предписали чистый воздух после пневмоний. С тех пор мы наезжали в Питер нередко, а руководство учреждением я поручил Химоне...

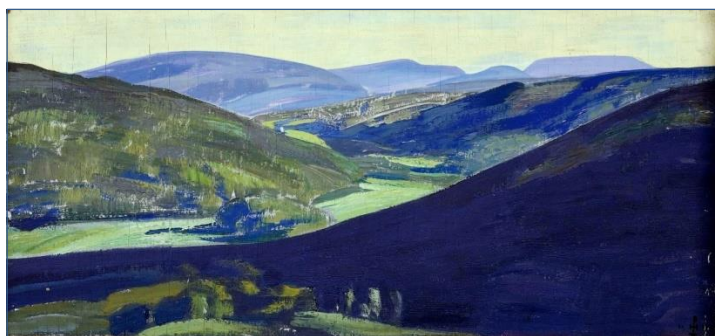
Целая цепь внешних событий изменяла наши планы. Вот мы были уже совсем готовы ехать из Сердоболя в Питер, но пресекалась железная дорога. Затем явилось предложение добыть в Швеции мои картины, бывшие там со времени выставки в Мальме в 1914 году.

Бьорк звал для этого в Стокгольм. Там получилось от Дягилева приглашение приехать в Лондон для новой версии "Половецких плясок", для "Садко", "Салтана". Всё было в ходу, когда Бичам впал в банкротство, но тогда же приехал Харше от Карнэги Института с предложением выставки в сорока музеях Америки...»

Н. Рерих. «Памятки». 1940.

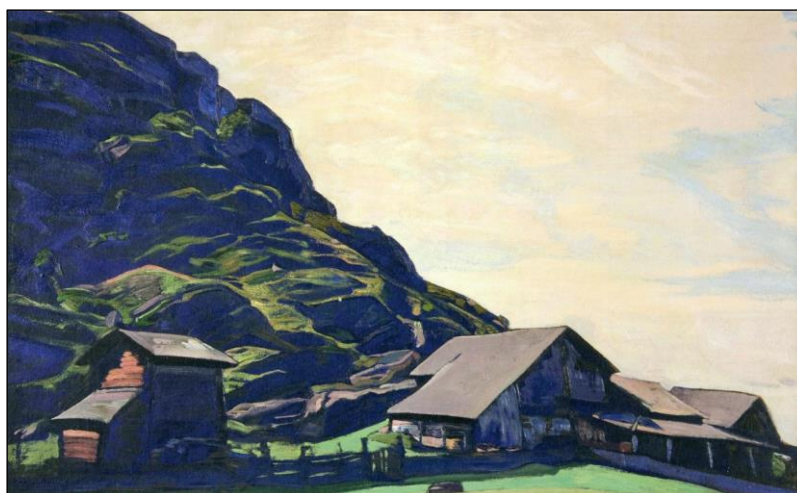

Н.К. Рерих. Карелия. Вечерний снег. 1918.

Н.К. Рерих. Пейзаж. Тулола. Финляндия. 1918.

«На севере. На острове. На горе стоит дом. За широким заливом тёмными увалами встали острова...» (Н.К. Рерих. Пламя.1918.)

Н.К. Рерих. Гора Тулола. 1918.

ПЛАМЯ *(письмо)*

В измятом холщёвом пакете я получил, наконец, письмо. Часть пакета была залита дождём или волною. Почти полгода я ожидал это письмо. Пока шло моё. Пока шёл ответ. Ответ, вероятно, был задержан ледоходом и весенней распутицей.

Да и мог ли я ожидать ранее ответа на мои вопросы? Подумайте, скоро ли обернётся письмо, на котором надо написать: "по ..... дороге до города..... оттуда переслать по реке ..... до устья ..... . Передать в село ..... для пересылки с оказией до ..... перевала, где вручить крестьянину ..... села ....., а ему указано, как доставить по принадлежности". Решаю напечатать письмо в том виде, как я его получил. Для меня и для многих оно - исторический документ об известном лице, материал для историка искусства. Для других содержание письма объяснит то, что их ещё недавно так волновало и так удивляло. А для тех, которым без имён и местностей (я опушу лишь имена и название мест) письмо моего друга будет малопонятным и лишённым местного интереса, те пусть посмотрят на письмо как на страницу нашей сложной современности.

"Пламя" - так назову я это письмо. Мой друг употребляет в письме это слово неоднократно. Для него оно имеет особое значение.

Пусть мой друг простит, когда узнает, что я напечатал его частное письмо в точном изложении. В письме, видно, он допускает мысль, что содержание могло бы пригодиться писателю для театра. Но я счёл нужным напечатать письмо так, как получил его.

Те, кто не верил человеку, пусть поверят залитому волною письму.

* * *

"Ты нашёл меня. Ты хочешь, действительно хочешь, чтобы я сам написал тебе обо всём происшедшем со мною.

Отчего я уехал? Отчего скрылся? Где живу?

Ты пишешь о выдумках и ложных историях, обо мне распускаемых... Пусть, пусть, пусть.

Всё описанное уже отошло от меня. Смотрю на прошлое, как на чужую жизнь. Или как на сон. Второе - вернее.

Сознаюсь, всякие выдумки меня теперь мало тревожат - выяснять я ничего не должен. Но если ты хочешь знать всё, как было, - слушай.

Просто так, как было.

Ты спросил, где я сейчас? Слушай.

На севере. На острове. На горе стоит дом. За широким заливом тёмными увалами встали острова. Бежит ли по ним луч солнца, пронизывает ли их сказка тумана - их, кажется, бесчисленно много. Несказанно разнообразно.

Жилья не видно.

Когда солнце светит в горах особенно ярко, - на самом дальнем хребте что-то блестит. Мы думаем, что это жильё. А может быть, это - просто скала. Налево и сзади сгрудились скалы, покрытые лесом. Чёрные озёрки в отвесных берегах. На одном месте камни напоминают старую основу жилища. Нам кажется, что раньше, давно, здесь уже кто-то жил. На огромном валуне кажется выбитой цифра 3 (три) или буква З. По лесам иногда представляются точно старые тропинки, неведомо как возникшие. Незаметно исчезающие...

А может быть, всё это - просто воображение...

Массив нашего острова очень древен. По всем признакам вулканические образования давно закончились. На таких массивах можно бы осуществить нашу давнюю мысль о постройке храма, где сохранятся достижения культуры нашей расы. Где на самых прочных материалах, самыми прочными способами будут запечатлены все лучшие достижения человечества. Будут изваяны лучшие чертежи и вырезаны наиболее полезные формулы. При непорочности наших обычных материалов, при невероятной преходящности бумаги, красок и всего - такое хранилище - было бы величественно. Тайник знания. Знание для знания. Великое творчество.

Опять мечтания...

Молчаливый человек на чёрной сойме иногда привозит нам запасы пищи, книги и вести из нашего прежнего мира. Измятые, жёлтые листки, точно опавшие листья с далёких деревьев.

Тот же человек увозит вести от нас и нашу работу. Увозит. За далёкой Чёртовой горой скрывается его парус. Точно в бездну бросаем. И не знаем, кто ждёт наши посылки. И так дробится власть людей. Так размельчается власть вещей рукотворных.

При отъезде человека на сойме нами овладевает какое-то странное чувство. Но никто не произносит вслух, что хотелось бы уехать с ним, туда, дальше посёлка, где много бочек и рыбы. Через несколько часов это чувство проходит. Человеческое влияние опять нас минует. Такое же странное чувство наполняет нас всякий раз, когда вдали чёрной точкой покажется сойма. Он ли? Впрочем, и это ощущение скоро проходит. Надо изгонять эти ощущения. В основе их - малодушие.

Но человекообразем мы всё же не покинуты. В облачных боях носятся в вышине небесные всадники. Герои гоняются за страшными зверями. В смертельных поединках поражают тёмного змея. Величественно плавают волшебницы, разметав волосы и протягивая длинные руки. На скалах выступают великие головы и величавые профили, грознее и больше изваяний Ассирии.

Если же я хочу посмотреть на труд, войну, восстание, то стоит пройти к ближнему муравейнику. Даже слишком человекообразно.

Не буду говорить, насколько мы все всегда заняты. Сколько всегда остаётся невыполненной работы.

Не буду говорить о чудесах нашего края. О глубоких, эмалевых красках камней. О самородках серебра, меди, свинца. О парчовых, затейливых коврах мха.

Не буду описывать прекрасные картины заката и восхода. Не скажу о великих грозах и сказочных туманах. О сверкающем снеге не буду говорить. Пройду мимо весёлых игр волн под утёсом.

Не скажу о пещерах и скалах, таких извилистых, таких причудливых...

Не остановлюсь на разноцветной листве, на пышном золоте осенних уборов. Даже не скажу о таинствах засыпающей и вновь проснувшейся природы...

Всё это остановило бы внимание настолько, насколько всё это вечно чудесно. А это было бы длинно. И не скоро удалось бы перейти к той истории, которую хочу записать. Мне хотелось только намекнуть тебе о том, что мы видим, что мы слышим. И почему мы любим нашу гору, наш остров.

Вообще помни о севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что север мрачен и беден, то знай, что он севера не знает. Ту радость и бодрость и силу, какую даёт север, вряд ли можно найти в других местах. Но подойди к северу без предубеждения. Где найдёшь такую синеву далей? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний?

Надо писать так, как было.

Часто мы не верим хроникам и запискам старинных художников? Почему? Неужели в нашем представлении они непременно должны были изменять и приукрашивать события? Не верим ли мы, зная себя? Не доверяем ли яркой жизни среди серых потёмков? Среди тюрьмы, в которую мы пытаемся жизнь обратить?

Но жизнь всегда ярка. Лучше, чем сама жизнь, всё равно не выдумать.

Только надо припомнить и сложить именно так, как было. Надо уметь понять истинное первое впечатление. Надо уметь выявить сущность, очистить её от случайных придатков, хотя бы отдельно и поучительных.

Всё это один раз по просьбе ..... уже было описано мною. Кажется, даже лучше и подробнее было написано. Но рукопись, видимо, пропала при пересылке, что совсем неудивительно, - ведь путь очень труден.

Ещё один раз, - последний, я заставлю себя для тебя записать всё бывшее. Если не всё, то хоть главные части; если и этому письму не суждено дойти, то значит - не судьба.

Вот отчего выстроил я дом на горе, которую исследователи назвали моим именем. Вот почему я начал отыскивать эту мою гору. Вот почему я часто повторяю слово "пламя".

Теперь моё пламя уже другого цвета. Я спокойно могу определить цвет памяти бывшего. Спокойно я не назову людей, злобно раздувших огонь. Люди уже прошли. Но обстоятельства остались. Без имён. Без времени.

* * *

Ты знаешь, друг, что картины мои мне нужны, мне близки, только пока я творю их. Как только песнь пропоётся, она уже отходит далеко. После окончания я уже не согласен с картиною. Охотно изменяю её. Даже уничтожаю. Мысль и умение стремятся вперёд. Всё сделанное ранее уже слишком несовершенно.

Чтобы избежать последствий вражды моей к ранее написанным вещам, жена моя взяла себе все оконченные картины. Мне спокойнее, если я знаю, что уже не властен изменить прежнюю вещь.

Так же было и с сюитой картин, объединённых названием "Айрана Ваэджа".

Уж давно хотел я вместо отдельных вещей, случайно показанных, произвольно разбросанных, сделать ряд картин, подчинённых одной сущности. Сочинённых, спаянных в незыблемом соответствии красок и формы.

Ты ведь знаешь, что обычаи наших выставок меня всегда удручали. Какая-то подотчётность, подневольность. Торговля в храме. Будни - в празднике. Праздник - в буднях. Наши выставки - разве это праздники творчества? Право - подёнщина. Отчёт. Обязанность. Конторская книга. Всё это со временем изменится. Всему найдётся своё место.

Теперь о картинах.

Трудно было остановиться на пределах желанного цикла картин. Предположений было много. Но одно казалось узким. Другое - ничтожным. Третье - неизобразимым. Но всё в искусстве создаётся не теориями, не надуманными учениями, не узким направлением, а только стихийно. Только под знаком водительства духа. Это водительство подсказывает, что нужно делать...

Вообще будьте осторожны с теориями искусства. Если вам скажут о теориях и поставят их во главу творчества - не верьте. В этом уже скрыто чьё-то бессилие. Это не важно.

Мощь искусства именно в его безотчётности, в его, повторяю, стихийности, в его благой интуиции. Только в таких устремлениях - победа искусства, его таинственная убедительность и заразительность. Интуиция открывает подлинную радость духа.

Сколько бы тебе ни твердили о значении произведения, но, если оно само не сообщает тебе своё непосредственное очарование, все уверения, все законы будут бессильны.

В чём это очарование? В чём истинная правда произведения? Где границы радости и подъёма, сообщаемого искусством? Насколько разнообразны проявления искусства? - Мы не знаем. К счастью не знаем. Но чувствуем эту беспредельную, несказуемую тайну.

Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства? Нам ли знать о всех способах его выявления?

Благо, что искусство есть, что мы его ощущаем, что оно даёт и заполняет лучшие стороны жизни. Может быть, единственно ценные стороны жизни. Да будет благословенно всё, что проходит в жизни под знаком водительства духа.

Совершенно непонятно, почему около искусства всегда гнездится столько вражды и ненависти, уже далеко за пределами соревнования. К чему?

Может быть, и эти тёмные знаки нужны. Не они ли порождают мистическую Голгофу искусства? Она нужна при всяком подвиге. А в искусстве нужен подвиг. Слышишь, необходим!

Заварился и оформился задуманный ряд картин. После двадцатилетней работы и борьбы с разными явлениями жизни я удалился надолго от всяких случайных общений. Покинул разные должности, хотя бы и очень почётные. Отбросил весь шум и беготню, которые мы принимаем за жизнь. Даже от многих друзей отошёл.

Ковал мою "Ваэджу".

Люди объявили, что я бросил работать. Другие шептали, что я обезумел. Но я ничего не слушал. Твёрдо помнил, что в этой жизни ценен лишь труд творчества. Только он даёт спокойствие мысли. Только он открывает глаза на красоты, нас окружающие и незамеченные лишь в суете случайных человеческих общений.

Если бы люди знали, как часто они вредят друг другу. Как легко избежать это. Какой поток благодати легко может залить пламя злобы?

В тишине, среди прекрасных поездок, среди восхождений на одинокие горы я написал двадцать пять вещей.

Они составляли неразрывное целое. Должны были быть как ожерелье из самоцветов. Их должно было смотреть лишь в определённом порядке. Так, чтобы светились не только краски одной картины, но и соседние вещи были бы так же нужны, как и части каждой картины между собой. То же задание было и в отношении распределения формы и линий.

Не знаю, удались ли картины? Были ли они хороши? Знаю только, что в течение работы, среди неизбежных сомнений, эти картины дали мне много радости.

По обычаю я отдал законченные картины моей жене.

Вскоре, через ближайших друзей, узнали о законченном цикле. Воздвиглось жестокое любопытство и друзей, и тех людей, которые называют себя любителями искусства. Все хотели увидеть мои картины.

Чтобы понудить меня показать им картины, люди пускались на всякие выдумки. Одни утверждали, будто картины вообще не существуют. Будто я уже давно бросил работать и провожу время в бесцельной праздности. Другие рассказывали и шептали, что хотя какие-то картины и написаны, но они так плохи, что и показать их нельзя. Третьи сочиняли, что тайное общество, в которое я вступил, не разрешает показать творения непосвящённым. Четвёртые болтали о неслыханных иностранных предложениях, на которые я будто бы уже согласился, а вещи уже уложены и навсегда вывозятся в чужую страну.

Всякий выдумывал по-своему, и всё это сопровождалось шумом и обидами.

Если что недоступно, оно всегда особенно занимает людей. Всеми выдумками и нелепыми домогательствами люди заставили меня решиться показать картины. Жена противилась этому. И теперь слышу голос жены моей, говорившей:

- "Не хочу выставлять эти вещи. Именно эти. Они мои. Я знаю, я чувствую, что не должна показать их. Смейтесь! Я знаю, что моё чувство - ничто для вас!" И я тоже слышал эти слова. И всё-таки промолчал. И мне тоже было тяжело, но обещание уже было вырвано...

Зачем я допустил эту уступку? Зачем обратил я праздник в страдание? Зачем сам способствовал росту лжи?

Так, значит, должно было быть.

В назначенный день собрались все позванные. Были обиды, недоразумения... Кому-то не передали приглашения... кто-то пришёл незванный. Не всё ли равно? Пришло много разнообразных людей. Были художники, писатели, любители, друзья.

Смотрели долго. Подробно. Шептались. Водили друг друга по кругу картин.

Потом начался мой праздник. Я увидел, что труд мой не пропал. Недоброжелательство потонуло в общем подъёме. Произошло то, чем ценно искусство. Созданное оказалось убедительным. Заразило зрителя. Сделало его участником действия.

Стали требовать, чтобы я выставил эти вещи. Я отказался. Я был твёрд, несмотря на все соображения о всеобщем достоянии искусства, о всенародном значении творчества. Жена поддержала меня.

Тогда возникла новая опасность. Владелец крупных изданий ..... зажёгся мыслью издать мои картины. Издать новым, каким-то замечательным способом. Он оставался долго. Остался после всех. Невероятными доводами он убедил и меня и жену мою. Мы разрешили воспроизвести картины его способом. Мы сделали уже вторую ошибку.

Затем возникло новое, казалось, непреодолимое препятствие. Для нового способа издания картины должны были быть хотя бы на короткое время перенесены в печатню.

Жена наотрез отказала выпустить вещи из дома. И вот возникла ужасная выдумка. Добиваясь издать картины, этот человек предложил сделать с картин точные копии и перенести в печатню только копии. Этот человек был дьявольски изобретателен. Он всё умел объяснять - "краски в воспроизведении тона всегда несколько изменяются и потому точные копии будут вполне достаточны".

Произошла третья ошибка. Дьявольская выдумка показалась приемлемой.

Этот же дьявол нашёл того, кто бы мог сделать точные копии. Кто сохранил бы мой характер письма и избежал чего бы то ни было лишнего.

Помнишь ты ....., того молодого художника, который несколько раз был моим помощником. Вещи ему очень нравились, и он охотно согласился скопировать их. Кроме того, издатель заплатил ему щедро, а это давало ему возможность выполнить давнюю мечту. Побывать в Мексике для розысков остатков Атлантиды. В этих мечтах об Атлантиде я же был виноват. Неужели я буду препятствовать их осуществлению? Пусть едет. Пусть ищет Атлантиду. И я опять молчаливо согласился. Промолчал там, где должен был запретить.

Милый ..... очень прилежно работал над копиями. Сделал их точно и быстро. Работал углублённо и, видимо, с подъёмом. Копии я утвердил.

Копии были перенесены в печатню. Мой сотрудник спешно уехал в Мексику. Искал ли он Атлантиду? Нашёл ли? Вернулся ли теперь? Ведь о нём более ничего не знаю.

И тебя, мой друг, тоже не было тогда. Мне кажется, если бы ты был тогда со мною, что-то сложилось бы иначе. И я не имел бы повода писать тебе теперь отсюда письмо.

Значит, опять произошло так, как нужно.

Всё это время были мы в какой-то тревоге. Где-то что-то непоправимое совершалось, но мы не знали, а только чуяли это. Ждали известия. Ждали звонков. Смотрели на часы. А что ждали, и не знали.

И настолько встревожились, настолько напряглись нервы, что когда издатель, бледный, ворвался с криком: "Печатня сгорела. Картины погибли", - мы даже не удивились.

Вот оно: обрушилось то, что уже висело над нами. Мы ещё не знали размеров разрушения, но ощутили водоворот. Стало холодно. Что-то подкралось. Что нужно было сделать, мы не знали. Повторяли: "Вот оно".

То, молчаливое вошло.

И замкнулся извилистый круг. Одна ошибка родила другую.

Всё разгласилось.

Хуже всего, что издатель очень крупно застраховал картины, не указав, что это копии. Это было бы ему невыгодно. И он умолил, оказывается, ещё раньше уехавшего сотрудника о молчании.

Страховое общество прислало мне премию за картины. Крупную премию. Оказывается, издатель всюду утвердил слух о том, что ему удалось достать мои подлинные вещи.

Выходило, что я точно сделался соучастником его.

Промолчав вначале, я не знал, что сказать потом.

Когда мне прислали страховую премию, я не мог оставить её у себя. Не принять её я тоже не мог (ты чувствуешь и мольбы и угрозы издателя). На всю сумму я накопил картин и отдал их музею.

Помнишь, как объяснили тогда мой поступок.

Кто-то сказал, что я хотел подкупить общественное мнение. Для чего подкупить? Глупо. Уже цепь волочилась за мною.

А пламя уже разгоралось.

Чужое несчастье всегда приятно людям. Я оказался в глазах их несчастным. Сердца людей всегда открыты вниз. Если они вообще открыты.

Кроме того, картины уже не существовали. Никого они более не задевали. Никому не причиняли тайных неприятностей.

Сердца всех раскрылись.

Трудно представить себе изощрённость всех сожалений. Ты издали всё-таки слышал о моих происшествиях. Да и трудно было не слышать.

Пожар скромной печатни заблестел на весь мир. Не преувеличиваю.

Какие образцовые письма я получил. Теперь у меня лучшие образцы соболезнования. Все слова стали ещё более яркими, нежели при осмотре картин.

Различные общества почтили меня прочувственными адресами. Иностранные академии избрали меня почётным членом. Географическое общество назвало моим именем вновь открытую гору на севере.

Подумай только, какой повод для писаний.

Пропал труд двадцати лет. Мечта жизни - наконец воплощённая - истреблена беспощадной стихией. Истреблена накануне обнародования. И целый ряд благородных свидетелей выступил. И показания их становились всё ярче. Право, я сам готов был поверить всему случившемуся, если бы за драпировкой не стояли оригиналы.

Я был подавлен.

Молчал.

На моление моё не обижались. Приписали его горю. Наоборот, молчание моё только усиливало потоки сочувствия.

Какие красивые статьи появились в печати! Сколько красивых слов!

А картины стояли укрытые у нас. И с каждым днём необходимость окутывала их больше и непроницаемее.

Издатель извивался змеёй. Каждый приход его вызывал во мне ужас. А он всё приходил. Сторожил. Берёг посеянную им ниву.

Почему тебя не было со мною. С тобой мы решили бы что-нибудь.

Мой сотрудник ..... не давал о себе вестей. И сейчас я ещё не знаю, вернулся ли он? Или погиб среди поисков светлой сказки? Одно безумие порождает другое. Я пробовал рассказать друзьям о том, что подлинны картины целы. Они качали головами и советовали мне развлечься или начать новую работу.

А за спиной издатель делал им знаки и шептал, что именно оригиналы у него сгорели. Когда же, наконец, я призвал его и грозно убеждал открыть истину, он умолял пощадить его, ибо у него уже не было путей отступления. Он делался даже преступником. Загнанный в угол, он показал зубы и намекнул о моём невольном попустительстве.

А тебя всё не было. А пламя разгоралось.

Я продолжал безумие начала.

Я решил показать ещё раз подлинны картины.

Опять картины стояли на прежних местах.

Было то же самое освещение. На полу лежали те же ковры. И, казалось, сам воздух мастерской был тот же.

И люди были те же. За исключением трёх, четырёх случайных, все сошлись.

Так же ходили по кругу. Так же шептались.

Но глядели смущённо.

Они не поверили.

Долго молчали потом. Искали часы. Вспоминали о назначенных часах.

Куда-то спешили. И ласково, ласково жали руку.

Они не поверили.

Смотрели - слепые. Слушали - глухие. Неужели мы видим только то, что хотим увидеть?

Скрылся издатель. Все разошлись. Молчание.

Мы знаем и слышим, что сознание правоты всегда даёт мощь и силу перенести всё, решительно всё.

Это так и есть.

Но ведь для этой мощи нужен покой, тишина.

Нужна пустыня тишайшая. Нужен храм пустынный со всем великолепием облачного зодчества.

А когда такой храм далеко?

Когда пламя-то пылает?

Вот тогда оно блестит. Оно затемняет.

И когда я через несколько дней понял, что мне не поверили, что картины найдены плохими повторениями, тогда алое пламя возникло.

О том, что не поверили, начал я узнавать стороной. Постепенно. Как-то глухо и мягко. Но в мягкости этой была беспощадность. Люди знали бесповоротно, что за время молчания я спешно повторил мои картины. Люди видели ясно, что повторения были несравненно хуже, слабее оригиналов.

Да и немудрено. В спешке. В огорчении.

Можно ли сделать так же хорошо, если первое достижение было так общепризнанно блестяще.

Да и не стал ли мастер слабеть?

Всегда приятно первому найти момент ослабления. Даже просто заподозрить ослабление гораздо проще и гораздо менее ответственно, нежели решиться утверждать восхождение.

Не так ли?

К тому же все знали о том, что оригиналы были превосходны, что они сгорели, что спешные копии должны быть слабее.

Это ясно. Это и дети поймут. А "умудрённый" человеческий ум разве может иначе мыслить?

Люди доказательно знали, что перед ними повторения. Это же ясно. И вот когда к одной ясности прибавится ещё целый ряд человеческих ясностей, тогда затемняется глаз и мутнеет ум.

В печать проникли сообщения. Тоже мягко и постепенно.

Опять хвалили мои прежние вещи. И тонко, тонко, как лезвие ножа, добавляли - повторения всегда далеки от оригинала...

Пламя пылало.

Из тёмных углов высовывалась гримаса издателя и, скаля зубы, твердила: - "Ведь говорил, надо было сжечь оригиналы. Была бы вместо них куча золы, а на ней покачивалась бы тишина и слава. А теперь куда пойдёте вы с вашей правдой? Куда завела вас эта правда? Сожгли бы и пепел всё покрыл бы..." Вот какие гримасы появились. Эти гримасы, освещённые пламенем, были страшны.

В ошибках надо уметь сознаваться.

Первая ошибка была, когда я согласился показать картины. Раз сердце говорило против, не следовало соглашаться. Но ведь всегда трудно отделить первое верное ощущение от следующих житейских наслоений.

Вторая ошибка - когда я промолчал о выдумках и проделках издателя. Но всего не предусмотреть. Как предугадать, если чьи-то мысли направятся во зло? И всё-таки его жаль. Жаль человека, который хотя и бескорыстно и заблуждённо, но всё-таки служил искусству. Ведь об искусстве много говорят, но в уклад жизни оно вошло ещё так мало. Так мало к искусству истинной непреодолимой потребности.

Третья ошибка - когда решил в последнем доверии к людям вторично показать картины. Тем довёл до ложных ощущений всех, которые вторично увидели подлинные вещи.

Без вторичных смотрин все эти люди сохранились бы без ошибки. Я их обманул тем, что ради истины сказал правду. Наши глаза так несовершенны, а ощущения духа так засорены у большинства современных людей, что обмануться в том, что они видят, совсем не трудно.

Не изумлён ли ты, что пишу я о моём потрясении спокойными словами. Точно не о своём. Сознаюсь, так говорю я теперь. Но тогда мыслил я совершенно иначе.

Тогда пылало алое пламя. Пламя гнева. Пламя безумия. Оно застлало глаза. Заполнило смысл сущности.

Теперь я уже могу говорить другими словами. И пламя не красно уже. И я могу не обвинять человечество. Да и виноваты ли те люди?

Итак, все знали, что в несравненно худшем виде повторены прежние пре-восходные картины. Пробежало даже мнение, что сам ли я писал прежние ве-щи. Кто-то даже сообщил, что известны те иностранные художники, которые за большое вознаграждение работали для меня. В оправдание мне приводи-лись примеры из истории искусства, когда работы Фабрициуса принимались за работы Рембрандта.

Все эти суждения постепенно докатывались до меня. Докатывались бес-пощадно и преувеличенно. В бесконечном кошмаре. Каждый газетный лист, каждый звонок был вестником новых измышлений. И потом, эти анонимные письма? Кому есть досуг измышлять их?

Пылало красное пламя. И вспомнить несносно. Решили мы бросить разва-лины и пепелища. Уехали на любимые наши высоты. Наскоро построили дом. Осели на мшистых коврах. Начал я мыслить. Даже начинал работу.

Но и здесь тащилась цепь.

На этот раз настоящая, железная. От шума цепи мы раз проснулись.

Около нашего дома тащили цепь. И цепь звякала. Тащили её беспощадно. Точно переехали жизнь.

Оказалось: через нас должна пройти железная дорога. Не ближе, не даль-ше. Через нас. Пришли строители. Сказали, что нас нужно скрыть. Мы не у места. Через нас путь пройдёт. Прошли. Звенели цепью. Стучали.

И опять бесповоротно. И человечески ясно.

Пламя пылало.

Куда нам деваться? Показалось тесно.

Я вспомнил о горе, о моей собственной горе. Начали о ней узнавать. Писа-ли. Спрашивали. После долгих трудов отыскали. Собрались на ней поселиться.

Во время долгого пути были приступы малодушия. Те же приступы были во время устройства жилья. Ведь всё давалось так трудно. Всего было. Но ведь это всегда так бывает. Человечество всегда ползёт, как раки из корзины; всё сомневается; куда-то стремится, не понимая ценной сущности стремлений своих.

Среди блужданий и сомнений всегда приходят нелепые, недостойные мысли. Показалось, что некуда податься. Закрыто. Кончилось - среди необъят-ного мира. Среди всей необозримости данных человеку возможностей. Теперь и вспомнить стыдно.

Вообще, бойтесь алого пламени.

Оно выедаёт все ценные условия восхождений и ясного сознания. Это пламя - пламя судороги, припадка, но жить и созидать среди этого пламени нельзя. И как при некоторых болезнях надо менять место, так от алого пламе-ни надо спастись бегством. Стыдного тут ничего нет. Просто нужно сознатель-но сохранить силы. Направить их к ценному труду. Право, всё так необозримо. Так хорошо! И у нас есть труд. Труд, наполняющий всё время. Труд, в далёком идеале анонимный, в котором мы ответственны лишь перед собою.

Ещё смешная подробность. Вскоре после отъезда моего на север кому-то пришла мысль похоронить меня. Всё, что мы не видим, нам кажется несуще-ствующим. Это было крайне поучительно, но огорчений не принесло. К тому же мы кончали постройку дома. Работали спешно. Далёкие статьи и заметки нас только позабавили. Выиграли лишь собственники моих картин, ибо вещи сразу ещё поднялись в цене. Да и старая ненависть поникла: ведь смерть и го-лод - это то, чего люди больше всего боятся. Это более всего объединяет.

Знаем, что суждения все преходящи. Всегда, по два, по три раза в течение века меняются приговоры людей. И ничего не значит, ни худое, ни хорошее. А избранные имена составляют чаще всего не что иное, как имена массовые, среди которых скрыто очень многое для нас, случайно поглощённое жизнью. Не знаем многое.

Но знаю я, что работаю. Знаю, что работа кому-то будет нужна. Знаю, что пламя моё уже не алое. А когда сделается голубым, то и об отъезде помыслим.

И будет всё так, как должно быть.

Хочу радоваться.

Человек, находясь в природе, всегда похож на ребёнка. Ребёнку случается видеть тяжёлый, мучительный сон. Но стоит ему только открыть глаза, и он снова увидит себя в раю.

Прежде мы говорили: познание есть скорбь. Теперь скажем: познание есть радость. Ибо восторг радости глубже скорби.

Отчего затемнело? Отчего помутнело сознание?

Одна мать, держа на руках своего младенца, спрашивала, что есть чудо? Спрашивала, отчего чудеса не встречаются в нашей жизни. Держа в руках чудо, она спрашивала о том, что есть чудо?

Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их. Мы напоены возможностями, но, тёмные, не знаем их. Придите. Берите. Стройте.

Но приказ звучит.

Пламя меняет цвет.

Я чувствую силу начать новую страницу жизни. Мне ничто не мешает. Бывшее уже не касается меня.

И глаз мой вперёд обращён. Потому я и записал в последний раз для тебя о бывшем. Меня всё это более не касается. И со встреченными людьми мы прикоснёмся уже новыми гранями сущности. Я рассказал тебе точно сказку, пригодную для театра, сказку о том, как мы смотрим - слепые.

Кому она пригодится, сказка моя?

Но не только для театра может она пригодиться. При случае ты можешь её рассказать тем людям, которые себя считают непреложными знатоками искусства, которые высокомерно раздают определения и наименования. Чувствуют ли ушедшие мастера, что выкраивается из их творчества?

Знатокам пригодится мой случай из жизни. Или для собственного успокоения они сочтут всё описанное вымыслом?

Будет так, как должно быть.

Медведь вышел на меня, но остался я цел. Огонь касался меня, но не сгорел я. Подломился лёд подо мною, но не утонул я. В тумане остановилась повозка у стремнины, но не погиб я. Лошадь оступалась на горной тропинке, но удержался я. Терял накопленные богатства и не горевал я. Был призываем к власти, но не поддался. Злобная погоня неслась за мною, но не настигла. Клевета и ложь преследовали меня, но побеждала правда. Был обвиняем в убийстве человека, но пережил и это измышление зла. Сидел со злобными лукавцами, но уберёгся. Бедствовал с глупцами, но устоял. Так было нужно. Это правда, никому не сказанная.

Сказал Иоанн: "Не болей, придётся много для Родины потрудиться". А ведь после болезни он не видал меня десять лет. И узнал. Остановил и сказал.

Во всех бедствиях приближались новые люди. Нежданные. И протягивали руку. И предупреждали зло. И несли помощь.

Вот стоим перед темнотою. Знаем властные зоны и провозвестия, не знаем происходящее.

Не знаю о друзьях. Не обменяю друзей моих на врагов. И горжусь, что эти друзья были друзьями. Знайте это, друзья мои.

И врагами моими горжусь. Врагами мне посланы те, кого постыдно было бы друзьями считать.

Назвать нашу жизнь бедной нельзя. Жизнь была особенной. Немногие её знали. Волком, в стае, я никогда не ходил. Пусть буду медведем, лишь бы волком не быть. Поймёте?

Делаю земной поклон учителям. Они внесли в жизнь нашу новую опору. Без отрицаний, без ненавистных разрушений они внесли мирное строительство. Они открывали путь будущего. Они облегчали встречи на пути. Встречи со злыми, встречи с глупыми и с безумными...

И природа помогала в этих встречах. В ней забывались люди. В ней копились силы против злобы и против глупости. Невежество и пошлость. Ещё страшнее злобы они.

Где оно - облако благодати, чтобы покрыть ожесточение сердца? Какою молитвою молчания можно вернуть тишину? Каким взором можно взглянуть в бездну неба? Все строения разрушаются бездонным творчеством облачным. Не в храм рукотворный, но в пустыню тишайшую отдам молитву мою. Выше облачных сводов не созидалось храмов. Ярче звёзд и луны не осветили огни торжеств. Измышления человеческие не испепеляли грознее молнии. Не уносили из жизни мощнее урагана. Где отличить то, что должно погибнуть, и то, что должно породить следствия. В великана Голиафа верили толпы, и что для них был Давид?

Среди безумия толпы что им чудо? Какими бы словами ни говорить людям о чуде, они будут глухи к этим словам. Понятия вражды и ссоры им гораздо ближе. Нужно уничтожить всё, что угрожает и вредит мирному строительству, знанию и искусству. Всякая распущенность мысли погибнуть должна. Всякая невежественность погибнуть должна.

Кончится чёрный век наш. Что произойдёт ещё?

Неужели ещё раз увижу себя расстроенным? Неужели ещё придётся уйти в тишину? Кто уж заставит меня сделать это? Как будут выглядеть эти люди? Но тогда, друзья, вы узнаете всё немедля, чтобы сердце ваше не ожесточалось напрасно. И тогда расскажу не только тебе, друг, но и другим, которых я ещё не узнал.

Расскажу смелым искателям, опьянённым загадками; расскажу чтецам звёздных рун, чьи души привлекаются песней. И там, где вы можете знать, вы будете презирать доказательства. Эти смешные нелепые показания свидетелей. Слепых и глухих. Друзья мои, я вас ещё не знаю, но вы уже проходите близко. Озарённые пламенем. Друг, ты, может быть, торопишься куда-то по делу?

Или спешишь на обед? Или должен вежливо отвечать на какие-то случайные вопросы? И тебе сейчас далеки мои строки?

Шучу. Знаю, что эти строки тебе близки. И душа твоя не торопится. Уже не боится влияний...

Больше писать не могу. Человек на сойме кончил свой лов. Торопит с ответом. Если не успею отослать теперь, то задержу месяца ещё на два. А может быть, и дольше.

Уже нагромождаю второпях. Хочется ещё многое сказать. Так ты получишь? Где получишь?

Кончу.

Мы увидимся. Непременно увидимся.

Не только увидимся, но после работы ещё поедем с тобою или в ..... или на берега ..... в ..... . Туда, где нас ждут, где ждёт нас работа. Ведь об этой гармонии жизни уже работают реально и, в братстве, возводят ступени храма.

Кончу словами белой книги. Помнишь, её мы любили вместе читать:

----- "Знай, что то, которым проникнуто всё сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Единое, незыблемое.

Преходящи лишь формы этого воплощённого, который вечен, неразрушим и необъятен.

Поэтому сражайся".

Милый, веди свою битву! Мощно веди! Разве мы не увидимся? Знаем, где ждут нас.

Душевно с тобою ....."

* * *

Кончаю тем, чем начал.

Прости меня, друг, если я напечатал твоё письмо.

Знаю, ты простишь меня. О тебе писалось всегда много ложного. Часто твои дела истолковывались неверного. Так же и будет много писаться. Такие же будут толкования. Но ты всегда стремился к ясности. Мечтал о возможности жизни, открытой перед лицом всех людей. Мечтал о ясном труде. Ты вспоминаешь нашу милую белую книгу.

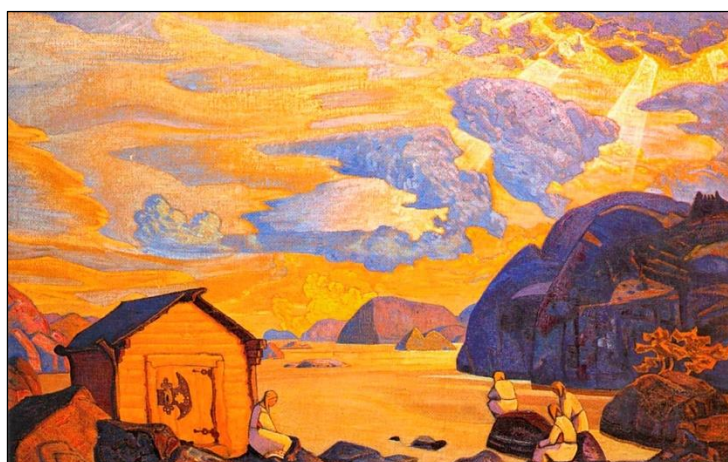
Продолжу из неё:

"Взираи лишь на дело, а не на плоды его. Да не будет побуждением твоим - плоды деятельности.

Отказываясь от привязанности, оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и в неудаче, совершай деяния в слиянии с Божественным".

Верю, что ты вернёшься. Жду тебя, друг мой.

Тулола. Сентябрь 1918.

Ждут (Вечное ожидание). 1917.

ПИСЬМЕНА
(Части сюиты 1918 г.)

Властитель ночи. 1918. Сюита "Героика"

Властитель ночи

Должен Он прийти – Властитель ночи. И невозможно спать в юрте на мягких шкурах.

Встаёт Дакша, и встают девушки. И засвечивают огонь. Ах, томительно ждать. Мы его призовём. Вызовем. Огонь жёлтый, и юрта золотая, и блестит медь. Начинается колдовство. Пусть войдёт Он, желанный. Придёт ведунья. И зажжёт травы. И вспыхнет зелёный огонь. Надежда!

И ожидание. Но молчат тени, и нейдёт Он. Ах, бессильны добрые слова. Пусть войдёт та, злая. И бросит красные травы. И заволочёт туманом стены. И вызовет образы. И духи возникнут. Кружитесь. И летите в пляске.

И обнажитесь. Откройтесь. И мы удержим образы возникшие. И сильнее образы, и багровее пламя. Ах, приди и останься. И потянулась и обняла пустое пространство. Не помогло красное пламя. А вы уйдите. И оставьте меня. Здесь душно. Пусть тухнет огонь. Поднимите намёт. Допустите воздух сюда.

И вошла ночь. И открыла намёт. И вот она стоит на коленях. Ушёл приказ. Ушло волхование. И тогда пришёл Он, властитель. Отступила Дакша. Замирая. И опустилась. Он уже здесь. Всё стало просто. Ах, так проста ночь. И проста звезда утра. Он дал власть. Дал силу. И ушёл. Растаял.

Всё просто.

Н.К. Перих 1918 г.

В ТОЛПУ

Готово моё одеянье. Сейчас
я маску надену. Не удивляйся,
мой друг, если маска будет
страшна. Ведь это только
личина. Придётся нам
выйти из дома. Кого мы
встретим? Не знаем. К чему
покажемся мы. Против свирепых
щитом защищайся.
Маска тебе неприятна?
Она на меня не похожа?
Под бровями не видны
глаза? Изборождён очень лоб?
Но скоро личину мы
снимем. И улыбнёмся друг
другу. Теперь войдём мы
в толпу.

1918

НАПРАСНО

Не видно знаков священных.
Дай глазам твоим отдохнуть.
Знаю, они утомились. Закрой
их. Я за тебя посмотрю. Скажу
о том, что увижу. Слушай!
Вокруг нас та же равнина.
Седые кусты шелестят.
Озёра сверкают.
Безответно замерли камни.
Блестят в лугах сияньем
холодным. Холодны тучи.
В морщинку сложились. Ушли
бесконечно. Знают, молчат и
хранят. Птицы не вижу.
Зверь не бежит по равнине.
По-прежнему нет никого.
Никто не идёт. Ни одной
точки. Путника – ни одного.
Не понимаю. Не вижу. Не знаю.
Глаз свой ты напрягал бы
напрасно.

1918

БЛАГОДАТЬ

Дар мой прими, милый друг!
Трудом и знаньем я накопил
этот дар. Чтобы отдать его,
я сложил. Я знал, что отдам
его. На даре моём наслоишь
радости духа. Тишина и покой.
Среди восстания духа в дар
Мой твой взор устремил.
А если хочешь слуге приказать
Дар принести, ты его назови
Благодать.

1918

ОСТАВИЛ

Я приготовился выйти в дорогу.
Всё, что было моим, я оставил.
Вы это возьмёте, друзья.
Сейчас в последний раз обойду
дом мой. Ещё один раз
вещи я осмотрю. На изображенья
друзей я взгляну ещё один раз.
В последний раз. Я уже знаю,
что здесь ничто моё не осталось.
Вещи и всё, что стесняло меня,
я отдаю добровольно. Без них
мне будет свободней. К тому,
Кто меня призывает освобождённым,
я обращусь. Теперь ещё раз
я по дому пройду. Осмотрю ещё раз
всё то, от чего освобождён я.
Свободен и волен и помышлением
твёрд. Изображенья друзей и вид
моих бывших вещей меня
не смущает. Иду. Я спешу.
Но один раз, ещё один раз
последний я обойду всё, что
оставил.

1918

СВЕТ

Как увидим Твой Лик?
Всепроникающий Лик,
глубже чувств и ума.
Неощутимый, неслышный,
незримый. Призываю:
сердце, мудрость и труд.
Кто узнал то, что не знает
ни формы, ни звука, ни вкуса,
не имеет конца и начала?
В темноте, когда остановится
всё, жажда пустыни и соль
океана! Буду ждать сиянье
Твоё. Перед Ликом Твоим
не сияет солнце. Не сияет
луна. Ни звёзды, ни пламя,
ни молнии. Не сияет радуга.
Не играет сияние севера.
Там сияет Твой Лик.
Всё сияет светом его.
В темноте сверкают
крупницы Твоего сиянья.
И в моих закрытых глазах
брезжит чудесный Твой
свет.

1918

УЛЫБКА ТВОЯ

На пристани мы обнялись и простились.
В волнах золочёных скрылась ладья.
На острове – мы. Наш – старый дом.
Ключ от храма – у нас. Наша пещера.
Наши и скалы, и сосны, и чайки.
Наши – мхи. Наши звёзды – над нами.
Остров наш обойдём. Вернёмся
к жилью только ночью. Завтра,
братья, встанем мы рано.
Так рано, когда ещё солнце
не выйдет. Когда восток
зажжётся ярким сияньем.
Когда проснётся только земля.
Люди ещё будут спать.
Освобождёнными, вне их забот,
будем мы себя знать. Будем
точно не люди. К черте подойдём
и заглянем. В тишине и молчаньи.
И нам молчащий ответит.
Утро, скажи, что ты проводило
во мраке и что встречает опять
улыбка твоя.

1918

БЕЗДОННО

Ты, Могущий, везде и во всём.
Ты пробуждаешь нас к свету.
Нас усыпляешь во тьме.
Ты ведёшь нас в блуждании.
Идти неизвестно куда понравилось
нам. Три дня мы блуждали,
с нами огонь, оружие, одежда...
Кругом много птиц и зверья,
чего же нам? Над нами закаты,
восходы, пряный ветер душистый.
Сперва шли широкой долиной.
Зелены были поля.
А дали были так сини.
Потом шли лесами и мшистым
болотом. Цвёл вереск. Ржавые
мшаги мы обходили. Бездонные
окнища мы миновали. Держались
по солнцу. Затучилось. Слушали
ветер. На влажную руку ловили
волны его. Стих ветер. Поредели
леса. Пошли мы кряжем
скалистым. Белою костью всюду
торчал можжевельник, светлыми
жилами массы камней сдавились
в давней работе творенья. Сползали
уступами. За грядями утёсов
ничто не виднелось. Темнело,
ступенями великанова храма
спустимся ниже. Тучи. Стало
темно. Снизу застлались
туманы. Ступени всё круче и
круче. С трудом мы сползали
на мох. Нога внизу ничто
нащупать не может. Здесь мы
ночуем. На мшистом уступе
подремлем до утра. Долгая
тихая ночь. Просыпаясь, слышим
лишь свист неясных полётов.
Вой далёкий дрожит равномерно.
Засветился восток. Застлали
туманы долину. Остры, как лёд,
синими глыбами сгрудились
плотно. Мы долго сидели вне
мира. Пока туман разошёлся.
Поднималась над нами стена.
Под нами синела пропасть
бездонно.

ВЕСЕЛИСЯ

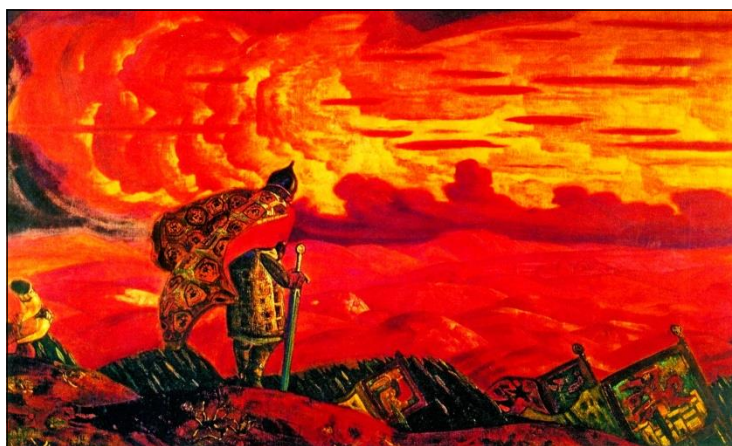
За моим окном опять светит
солнце. В радугу оделись все
былинки. По стенам развеваются
знамёна света. От радости
трепещет бодрый воздух. Отчего
ты не спокоен, дух мой? Устрашился
тем – чего не знаешь. Для тебя
закрылось солнце тьмою. И поникли
танцы радостных былинки.
Но вчера ты знал, мой дух,
так мало. Так же точно велико
твоё незнание. Но от вьюги было
всё так бедно, что себя ты
почитал богатым. Но ведь солнце
вышло для тебя сегодня. Для тебя
знамёна света развернулись.
Принесли тебе былинки радость.
Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знание. Знамя света
над тобою блещет!
Веселися!

1918

ПОВТОРЯЕШЬ

Замолчал? Не бойся сказать.
Думаешь, что рассказ твой
я знаю, что мне ты его
уже не раз повторял?
Правда, я слышал его
от тебя самого не однажды.
Но ласковы были слова,
глаза твои мягко мерцали.
Повесть твою ещё повтори.
Каждое утро в сад мы выходим.
Каждое утро ликуем мы
солнцу. И повторяет свои
дуновения ветер весенний.
Солнца теплом ты обвей
свою милую повесть.
Словом благоуханным,
точно ветер весенний, в
рассказе своём улыбнися.
И посмотри так же ясно,
как всегда, когда повесть свою
повторяешь.

1918

Н.К. Рерих. Стрелы неба – копыя земли. 1915.

СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ

Путь отрицания - безумен. Путь насмешки - бессмыслен. Путь гнева - тёмн. Путь угрозы и принуждений - крив.

Этими путями град не строится. Ими человечество не восходит. Но близится время прочного созидания. Настал срок отбросить всё случайное. Провести борозды между преходящим скользким и между творящею силою.

Творить - знание. Знание - Духа. Знание - жизни. Только спокойное сознание создаёт. Только красота укрепляет.

Знать и помнить. И уметь. И чувствовать.

Знание же утвердится только бывшим. Не суждениями нашими о бывшем, но самим бывшим. Тем бывшим, что запечатлевает скромная летопись. Бываем признательны не за суждения, но за изложение истинно бывшего (факты).

Суждения все слишком преходящи. Вспомните, сколько раз за столетие меняются суждения человечества. С улыбкой смотрят преемники на прежние и непреложные выводы. Для них уже странные и неприемлемые. Сравните разновременные истории искусства. Сравните писания одного и того же лица, если между ними легли даже только десятилетия. Примеров - без числа. Примеров - без всякой укоризны, ибо они только подтверждают вечную истину о сложном пути восхождения человечества.

Но как благодарны бываем за каждое истинное сообщение о бывшем. Эти сообщения - искренние пособники светлого знания, светлой красоты.

Не начнём говорить об относительности современных человеческих знаний. Об этом утверждении надо говорить особо. Надо привести поразительных свидетелей из самых разнообразных областей. Теперь только вспомним чистосердечно, как мало мы знаем. Как сильно во всём, надо думать, желание узнать и каждым знанием хоть немного подняться. И ещё раз взглянуть в бездны ещё неведомого. Даже самые глупые, среди пышного самомнения, по счастью, иногда сознают свою неосведомлённость, свой тёмный путь. Мы так мало знаем, что часто приучаемся даже долго говорить о том, чего вовсе не знаем. Особенно теперь часто говорим о вещах, которых мы не знаем вовсе. Даже серьёзные, вдумчивые люди долго беседуют или спорят о том, что им только кажется и чего вообще не было в жизни. Конечно, незнание всё то же, как всегда. Ни больше, ни меньше. Но оно приблизилось к нам. Ощущение его иное. Теперь, когда человечество особо расчленилось, изначальное познание указывает. И властвует. И учит о последующем. Научитесь, человеки!

Но среди относительного имеются понятия, которые можно утверждать непреложно. Среди непреложных понятий, знаем, что знание красоты неизмеримо велико.

Знаем, что ничто так не возвысит, ничто так не очистит человечество, как красота. Эти ветхие слова надо твердить. Надо кричать. Ещё столько глухих и одержимых. Надо твердить, что искусством крепнет Дух. Надо не забыть, что в воспитании народа красота явится всегда сильнейшим, самым убедительным двигателем. Воспитание народа! Думаем о нём, когда всё культурное облечено часто непреодолимыми трудностями. Теперь, когда человечество снова должно побеждать всё тёмное, чтобы опять подняться и овладеть новой ступенью. И если суждено время, когда овца будет лежать рядом со львом, если наконец когда-то придёт человечество к тому, что «и во всех един Господь», то и в этом строении именно красота - огонь сердца - положит лучшее и могучее основание.

Воспитание народа! Красота должна войти в народ. Искусство не должно быть для немногих; оно должно быть всенародно. Но не обманывайте народа. Не делайте для народа умышленных позорных подделок. Дайте народу подлинное искусство в его лучших проявлениях. В его чистых достижениях. Вы уже боитесь, что народ не поймёт подлинного искусства. Вы подозреваете, что именно лучшие проявления будут ему чужды и недоступны. Но мы знаем, что и пророки никогда не извращали учения ради народа. Они учили так, как должно. И тот, кто окажется на известном уровне чистоты, тот придет, тот поймёт. Тот заразится и уверует. Тот обратится раньше прочих. А за этими хотя бы понемногу обратятся и им ближайшие.

Для толпы пророки не кривлялись, они не боялись сказать подлинное слово. Так же и в распространении искусства не бойтесь настоящего и подлинного.

Не правда ли, кому-то уже смешно. Можно глумиться, можно моргать и корчиться от издёвки. Какой случай поклеветать или шепнуть злобную выдумку. Конечно — за спиной. Конечно - тихомолком. Но эту глупость путь искусства не убавится. Вера любящих искусство не умалится, а моргающий останется тем, что он на самом деле есть.

Долой - злобное шептанье! Долой тихомолки и глупое подталкивание! Около искусства не место тёмным словам, не место клевете. Словарь зла произнесён полностью, но от того не иссяк словарь блага. Неужели опять будем стыдиться его?

Голгофа искусства неизбежна. Она была и будет. Пути искусства творятся подвигом. И много подвигов в окружающей жизни. Умейте увидеть их.

Не столпники, не только мученики завета, но подвижники несут жизнь. И, к счастью, - жив подвиг. И для молодых, для выходящих в путь понятие подвига всё так же светло, всё так же истинно привлекательно.

Подвиг жизни утвердится летописью бывшего. Не случайными суждениями. Труд, творчество, каменные отметы жизни - вписывают почти неистребимые руны. Умейте собрать их. Умейте прочесть. Из этих отмет будущее сложит основание наименее преходящее. В пене устремившихся волн кто уловит наивысшую? Но твёрдо русло ими проторённое. И строен водопад самый бурливый.

Знаем, что лучшие художники смотрели наиболее широко и спокойно, без исключения. Ибо искры искусства неожиданны. И призмы их преломления неисповедимы.

Уничтожающая «самокритика» плохой пособник. Безмерно легче поносить и разрушать, но созидать будет всё-таки лишь глаз добрый. Смотрящий в сущность. Смотрящий во благо.

Вдумайтесь: отчего толпа может тупо и жадно смотреть хоть целый час на издыхающую лошадь, на кровь ран, а не может и четверти часа любоваться сказочным звёздным небом или зарёю заката? Толпа ещё не умеет это делать. Глаз добрый ещё не открыт. Или, верней, он временно затемнился.

Подумайте. Идеалист Апостол ещё мог, хотя и полубезнадёжно, твердить: «Дети, любите друг друга». Подвижник современности только может безнадёжно молить: «Не губите друг друга». Таково развитие человечества.

Человечество настолько расчленилось, настолько разъединилось злыми глазами, ненавистью и подозрительностью, настолько овладела жизнью спекуляция, что

эти пути ведут лишь к проклятию и отчаянию. Един путь объединения — путь доброго глаза. Самыми мощными внушениями и заклинаниями мы должны вызывать глаз добрый, глаз созидающий. Глаз не насилующий. Глаз всему находящий место среди необозримо богатой жизни планетной.

И всю мощь блага, всю силу благодати надо собрать тогда, когда к человечеству вслед за ненавистничеством подошло одичание. Подошло равнение по невежеству. Ведь одичание приходит незаметно, тайно во ночи, при зареве огня, при блеске металла. Вдумайтесь: одичание. Скоро человечество содрогнётся, наконец поняв, насколько оно огрубело за последние годы. С ужасом вспомнит, как спокойно человечество начало мыслить и говорить об убийстве, насилии и грабеже. Горе — начавшим убийство! Если бесследно сметались великие государства, распаивались и прахом размётывались «неприступные» твердыни городов, то защищена ли наша культура от выветривания и распада.

Бродят оцепеневшие, одичавшие люди. Одичавший человек, конечно, не тот, который обзавёлся хвостом и спустился до мохнатой шкуры. Одичавший человек часто ходит в лучшем платье. Произносит иностранные и странные слова. Думает, что он лучше всех и умнее всех и знает больше всех. Сколько бед вносит в жизнь одичавший человек. Сколько труднопоправимого зла сеет он своим самомнением. Всё сущее требует неустанного труда. Все творцы все свои досуги наполняют упражнениями. Вспомнить лучшую культуру, подняться на ступень можно тоже только постоянными упражнениями, вечным трудом, среди которого сияют озарения знания. Сияют в тиши, произвольно для нас. Трудно восхождение, безмерно легко незаметное одичание. Остаётся только видимость человеческая. Претензиям этой пустой видимости можно сказать словами индусов на одном конгрессе, когда им доказывали преимущества христианства. Они сказали: «Ваша религия очень хороша, но мы присмотрелись к вам, и вы, говорящие о религии, ей не соответствуете». Ужасно несоответствие видимости современного человека и его истинной культуры. Мы знаем, как легко ссориться и разрушать. Попробуем же не ускорять нашими повседневными делами смерть нашей культуры. Если бы вы знали! Если бы могли увидеть, что дело истинной культуры стоит очень плохо. Помочь истинной культуре может, прежде всего, искусство, не тенденция, не поучения, но действенная красота, сверкающее искусство во всех его бесчисленных проявлениях.

Вспомним, как мало питана искусством жизнь даже лучших, даже очень образованных людей. Отрицать это нельзя. А сколько средних людей обходятся вообще без каких бы то ни было явлений подлинного искусства. Это не пугание, не умышленно страшные слова, это просто точное сообщение из жизни. И если крестьянству отчасти безотчётно восполняет влияние искусства — сама нетронутая природа, то городской и рабочий средний класс, задавленный условностями каменных глыб городов, особенно страдает от полного отсутствия воздействий подлинного искусства. Отсюда и нелепый язык, и ужасные суждения... Отсюда смрад и грязь жизни, которую нечем прикрыть. Нечем скрасить.

Как должно беречь человечество всегда сохранявшиеся светлые благоуханные ступени Духа. Для сбережения этих сокровищ должно напрячь все свои силы, всё своё умение, должно скромно и доверчиво извлечь словарь блага. У множайших он запылился и лежит под столом, над которым принуждены мыслить лишь о хлебе, лишь о пропитании на завтра. Ужас! Еда, пропитание и невозможность мыслить об истинных двигателях жизни. Словарь зла - погрузил мысли человека (ко брюху) к животу, к животному пропитанию... Как дьявольское возмездие за вызов тёмных сил.

Какое возмездие - именно тогда, когда все ходят какими-то подозреваемыми! Когда жизнь превратилась в проклятье, в тюрьму с обысками и защитой бумажных нелепых удостоверений! Когда подозрительность зла изощрена! Когда среди массы непроизводительных забот и непроизводительных мыслей замолчал дух человеческий. Возмездие за вызов сил тёмных, которым заклятия не знали.

Об искусстве ли теперь думать? О красоте ли мечтать!? - когда надо строить новую, хотя бы простейшую жизнь. Когда надо укреплять понятия государства, надо возвысить само понятие Родины, надо вспомнить о человеческом достоинстве, о нерушимых словах, о чести и честности. Правда, все эти простые понятия стоят почти новыми заданиями перед значительной частью человечества. Но будем ли мы думать о высоком понятии государства, будем ли мыслить о священном понятии Родины, — везде, где только привходит основа истинной культуры, - везде, прежде всего, предстоит работа искусства. Во всех его проявлениях. Ибо без искусства - нет культуры. Без искусства мертвенно знание. Без искусства - недоступна религия. Без искусства - нет государственности. Без искусства далеко понятие Родины. Искусство - звено мира, за пределами стран и народов. Человечество, которому предстоит восходить, должно очиститься священным огнём искусства.

Вы, может быть, уже негодуете? При чём тут искусство? При таких краеугольных понятиях. Вы, может быть, заподозриваете уже пристрастие профессии. Но это не преувеличение. И не пристрастие - это просто наблюдение жизни. Это - примитивный опыт первой страницы человечества о священном огне искусства.

Вы мне хотите сказать: «Зачем твердите вы такие известные вещи о значении искусства? Мы ведь это достаточно знаем». Скажу: «Друг мой, благо вам, если вы это знаете. Я говорю не для вас, а для тех множеств людей, которые этого не знают. А я знаю, как велики множества таких незнающих. А впрочем, и вы - знающий, покажите, насколько подлинное искусство действительно вошло в ваш обычный жизненный уклад. Многие говорят, что они что-то знают, но деяния их противоречат. Должно не только знать, но и делать. И вера без дел мертва. Сколько поколений ещё должны повторять эти простые слова. А мы должны неустанно молитвенно твердить: «Боже, пошли народам снова дожить до искусства». Именно теперь должны твердить, во время царства сил тёмных, в дни разрушения и скорби.

Спрашивайте!

Почему надо твердить, повторять?

Отвечаю: Повторный удар сильнее. Повторный клич доходчивее. Что страшнее всего человечеству?

Отвечаю: Страшнее всего одичание со всеми его мрачными последствиями.

Что лежит в основе всего сущего, непроявленного?

Отвечаю: С Божественным рядом светится Великое Искусство. Лежит песнь познания. Лежит песнь мудрой радости.

Что надо человечеству?

Отвечаю: Необходимо подлинное искусство во всех его проявлениях. Прикасаясь к искусству, человечество прикасается к крупицам Великого Творчества.

Что надо искусству?

Отвечаю: Необходим глаз добрый. Глаз созидающий. Глаз радости, смотрящий на все крупинки прекрасного. Глаз, отвернувшийся от всего безобразного. Глаз, который вернёт человечество ко благому покою. Глаз, который среди тьмы явлений сумеет найти хорошее и выделить лишь эту ценность от неблагоприятного и ничтожного. А грани искусства, повторяю, неисчислимы.

Сейчас предстоят новые постройки жизни. Улучшенной. Оправленной красотой, правдой, просвещением.

Вы, которые будете строить прочную, законную жизнь! Вы, которые хотите строить жизнь твёрдо и мудро, всегда помните о значении священных озарений искусства.

Вот проклятие и вот жизнь. Жизнь изберите.

Stockholm, 4 Nov. 1918.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Рукопись.

Н.К. Рерих. *Дела человеческие*. 1914.

Н.К. Рерих

РАЗРУШИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ⁴

Я спешу ответить на ваш вопрос. Я отвечу по возможности короче, чтобы только выяснить суть проблемы, которая так тревожит и волнует нас. Искусство и Знание – это краеугольные камни духовной культуры. Всё, что касается этих тем, имеет особое значение. Когда я всё ещё находился в Финляндии и Швеции, ко мне стала поступать информация, в которой большевики изображались как некие покровители и поклонники искусства. Мы знаем, что большевики старательно распространяли такую информацию в левой прессе Швеции и других стран.

«Культурные достижения советского правительства» – так обычно друзья большевиков расхваливают «петроградских Медичи». Такие сообщения, широко распространяемые, вызвали огромную симпатию у интеллектуалов среднего класса, которые и не подозревали, как их обманывают. Долг каждого, кому известно истинное положение и кто исповедует принципы духовной культуры, разоблачить в глазах общественности это мошенничество.

Не позволяйте себя обманывать! Я зываю ко всем, кто считают, что они служат делу прогресса, тогда как под руководством искусных обманщиков они незаметно для себя рушат ступени, ведущие к прогрессу. Но почему же так происходит? «Искусство – это лучший язык для международного общения», – так говорят они теперь. За

---

⁴ Эту статью Н.К. Рерих отдал в распоряжение Русского Комитета Освобождения в Лондоне в 1919 г. В ней он отвечает на вопрос, почему он отмежевался от большевизма.

годы войны, мирового катаклизма, появились новые и, несомненно, имеющие всемирное значение сокровища Искусства и Науки.

Мы знаем из истории, что когда говорят пушки, Музы молчат, но это не относится к нашему времени. С первых дней войны всех волновала судьба сокровищ Искусства и Науки, все негодовали по поводу актов вандализма, любыми путями (пусть даже из корыстных интересов), но сокровища Искусства и Науки сохранялись. Даже человек с улицы (то есть самый простой человек) достаточно развит, чтобы высоко ценить Искусство. Но силы тьмы не дремлют. Любое истинное проявление искусства они обращают в свою пользу. Ради своих тёмных целей они пытаются завладеть лучшими путями человечества. Путь культуры и красоты – это путь неизменно важный для будущего, и его не могли бы одолеть эти искажители жизни. «Цель оправдывает средства» – девиз большевиков. Но даже Иуда, пожертвовавший 30 сребренников на благотворительные цели, всё равно остался Иудой, а творят молитву всё же Ему, кого Иуда предал. Давайте же рассмотрим информацию, которую мы получаем через большевистскую пропаганду, и ту, что мы знаем из реальной жизни. Большевики, присваивая имена тех, кто против своей воли был вынужден остаться в их запятнанных кровью тисках, говорят: «Ни одно правительство в мире не оказывает такую широкую поддержку науке и искусству, как большевистское. Большевики украшают музеи и расширяют библиотеки. Большевики покупают картины для Эрмитажа. Большевики читают лекции и открывают новые университеты, например Институт Мозга. Хорошо известный учёный вернулся в Советскую Россию в феврале. В театре ставятся новые пьесы. Художники-коммунары пишут полотна и получают высокооплачиваемые заказы.

Во дворцах царит порядок и расставлена уникальная мебель. Музеи преобразились, приобретены новые экспонаты, выставки оформлены с большим вкусом. Школьники обязательно посещают музеи и театры и принимают участие в театрализованных и прочих общественных играх. Растёт число научных работ. Многие художники и люди науки, которые имели возможность покинуть Советскую Россию весной, не воспользовались ею и остались». Всё это большевистский «рай на земле». Левая пресса Швеции, Англии, Франции и Америки постоянно печатает подобную информацию.

А теперь, что касается рая (без кавычек) или, точнее, того, что ведёт к раю.

Почтенный художник Виктор Васнецов расстрелян. [справка: В.М. Васнецов умер своей смертью в 1926 г. – ред.]. Лаппо-Данилевский, член Академии наук, умер от голода. Академика Смирнова, профессора Веселовского, профессора Шляпкина, академика Радлова, профессора Фортунатова, знаменитого ботаника Фомицина, знаменитого пианиста Зилоти и некоторых других выдающихся личностей постигла та же участь. Немало профессоров было расстреляно в Киеве. Уникальная мебель и интерьеры многих домов уничтожены. Предметы, взятые из Зимнего дворца, из галереи Юсупова и других коллекций, вывезены за границу. Патриаршая коллекция одежды разграблена. Церкви ограблены. Многие художники и литераторы томятся в тюрьмах. В театрах царит анархия, с актерами обращаются как с бесправными рабами. Нравственный уровень школьников низок.

Немало других сокровищ народа распылено по провинциям и по деревням, где их ждёт неминуемая гибель. Во время обысков в домах у художников были отобраны краски, холсты и другие необходимые для работы вещи. Великолепный поэт Бальмонт, такие писатели, как Мережковский и Ремизов, погибают. Что всё это означает? Разве расстрелы и преследования не выявляют истинного смысла того, что происходит? Они – истина без грима.

Но что же означают статьи в радикальной левой прессе о «петроградских Медици?» – Это организация неслыханного всемирного мошенничества. Общественное мнение подлыми средствами вводится в заблуждение. Мы стали свидетелями хорошо продуманного, широко и тщательно организованного мошенничества. Послушайте большевиков и их фаворитов: «Радетели культуры!» Но мы-то знаем, что все больше-

вистские байки основаны на лжи или на гнуснейшем подкупе. Однако лучшие люди отвергают такой подкуп.

Кроме пресловутых Горького и Шалапина, большевики предпочитают не называть имён своих сторонников, потому что те знаменитости, которые всё ещё в России, находятся там лишь потому, что им не посчастливилось по нездоровью или из-за материальных трудностей уехать оттуда. Имена таких большевистских приспешников, как Пуни, Пунин, Лурье, Карев, Маяковский и других, не вписаны в книги искусства, даже в новейшие. Их объединяет наглость, отсутствие таланта и преступность. Всё, чем хвастаются большевики, – просто мошенничество, фальшивое представление, имеющее целью обмануть различные комиссии социалистов, которые приезжают знакомиться с большевистским «раем на земле».

Мы знаем истинную цену всем этим собраниям «специально отобранных» интеллектуалов, этим юбилеям, популярным театрализованным спектаклям, дворцовым празднествам и процессиям придворных экипажей.

Весь этот обман организован теперь гораздо лучше, чем прежде, и вся эта деятельность щедро оснащается бумажными деньгами. Нам известно, что большевики пытались подкупить благородного Леонида Андреева, который бы не принял их «залитых кровью» денег. Я лично знаком со всеми этими соблазнительными материальными посулами, и я говорю: «Не слушайте тех сирен, чьи мотивы вам не ясны. Слушайте тех хорошо известных людей, которые сознательно покинули большевиков».

Список тех, кто сознательно расстался с большевиками, растёт день ото дня. Это люди широких взглядов и глубоких знаний в своих областях. Они не станут маскировать свои действия. Прогресс человечества всегда был близок и дорог им. Они создали себе имя истинным личным талантом и упорным трудом. Я привожу наугад несколько имён, к счастью, их число с каждым днём растёт. Писатели и журналисты: Л.Андреев, И.Бунин, А.Толстой, Волынский и другие; профессора и учёные: академик Вальден, профессор Карташов, востоковед Руднев, профессор древней истории Ростовцев, профессора Чупров, Милюков, Струве, Исаев, Карпинский и другие; художники: И. Репин и его сын, Бакст, Лансере, Судейкин, Ларионов, Гончарова, Миллиоти, Билибин, Чамберс, А.Яковлев, Анисфельд и т.д.; композиторы и музыканты: Рахманинов, Стравинский; актёры, певцы и танцовщики: Павлова, Карсавина, Росинг, Черкасская, Рощина-Инсарова, Фокины, Кяшт, Андреев-Шкилонж, Кузнецова, Дягилев, Евреинов, Комиссаржевский и многие другие, включая многих в Екатеринодаре и Сибири. Спросите этих людей, почему они не с большевиками, если те истинные поклонники Искусства и Науки?

Нужно открыть глаза общественности на мошенничество, так искусно организованное большевиками, злоупотребляющими средствами науки и искусства. Интеллектуальные круги во всём мире поймут, что вместо «петроградских Медичи» перед ними Иуды Искарियोты с их вечными 30 сребрениками.

Вульгаризм и лицемерие. Предательство и подкуп. Искажение всех святынь основ человечества – вот что такое большевизм. Это наглый монстр, обманывающий человечество. Монстр, который владеет россыпями драгоценных камней. Но подойдите поближе! Не бойтесь взглянуть! Камни-то ненастоящие. Только слабым зрением не увидит, что их блеск фальшив. В этих отблесках гибнет мир. В этих отблесках гибнет настоящая духовная культура. Знайте, наконец, больше, чем вы знали.

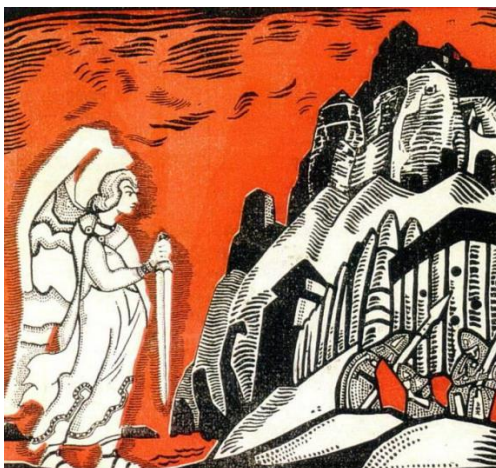
12 Сентября 1919 г. Лондон

Из архива Центра-музея им. Н.К. Москва. (МЦР).

ДЕРЖАВА РЕРИХА

«...Путь Рериха – путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже стали надёжным хранилищем его творческих откровений; и вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику».

Леонид Андреев.

Н.К. Рерих. Меч мужества.

Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху

30 Сентября 1918 г.

Дорогой Николай Константинович! Когда я узнал от Гуревичей, что Вы в Финляндии, я был чрезвычайно обрадован. Я ещё не знал, как и когда удастся нам повидаться, я не знал даже Вашего адреса, чтобы написать, но один факт, что Вы *здесь*, в том же *кругу ада* - сделал самый ад не таким угрюмым и чёрным. Ведь я живу за границей не только в смысле территориально-политическом, но и в отношении душевном, а Вы для меня - *свой*.

Со всею радостью и со всем душевным приветом я буду ждать Вас, у меня посветлело на душе, когда нынче я прочёл Ваше письмо. Приезжайте, дорогой Николай Константинович! Дорога простая: станция Тюрисева, оттуда две версты прямой шоссированной дороги до имения Орловского, где находится и наш временный приют, именно на даче *Левстрем*. Можно на извозчике, легко и пешком. Если бы я знал, с каким поездом приедете, то встретил бы Вас на станции. Дружески обнимаю и крепко целую. Будьте здоровы, приезжайте - жду! Любящий Вас *Леонид Андреев*

Простите, что пишу на машине, совсем отвык рукою, царапаю так, что трудно разобрать.

Леонид Андреев. S.O.S. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994

Леонид Андреев.

ДЕРЖАВА РЕРИХА

Рерихом нельзя не восхищаться, мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения. Даже для профана, который видит живопись смутно, как во сне, и принимает её постольку, поскольку она воспроизводит знакомую действительность, картины Рериха полны странного очарования; так, сорока восхищается бриллиантом, даже не зная его великой и особой ценности для

людей. Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним беспредельна и щедрость, всегда неожиданная, всегда радующая глаза и душу; видеть картину Рериха – это всегда видеть *новое*, то, чего вы не видели никогда и нигде, даже у самого Рериха. Есть прекрасные художники, которые всегда кого-то и что-то напоминают. - Рерих может напоминать только те чарующие и священные сны, что сняты лишь чистым юношам и старцам и на мгновение сближают их смертную душу с миром неземных откровений. Так даже не понимая Рериха, порою не любя его, как не любит профан всё загадочное и непонятное, толпа покорно склоняется перед его светлой красотой.

И оттого путь Рериха – путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже стали надёжным хранилищем его творческих откровений; и вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику. Сейчас, когда величие и будущность России так страшно колеблются на мировых весах, этот *дар* художника мы, русские, должны принять с особым трепетом и благодарностью...

Но ни простодушный, взволнованный профан, ни художественный схоласт в его специфических восторгах перед мастерством Рериха не могут в полной мере насладиться своеобразным гением художника, не имеющего себе подобных: это дано лишь тому, кто сумел проникнуть в мир Рериха, в его великую державу, кто сквозь красоту писем смог угадать и прочесть их сокровенный смысл. Рерих не слуга земли – он создатель и повелитель целого огромного мира, необыкновенного государства, где живут. Колумб открыл Америку, ещё один кусочек всё той же знакомой земли, продолжил уже начертанную линию – и его до сих пор славят за это. Что же сказать о человеке, который *среди видимого открывает невидимое* и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекраснейший мир!

Целый новый мир!

Гениальная фантазия Рериха достигает тех пределов, за которыми она становится уже *ясновидением*. Так описывать свой мир, как описывает Рерих, может лишь тот, кто не только вообразил его и воображает, но кто видел его глазами и видит его постоянно. Образы невещественные, глубокие и сложные, как сны, он облакает в ясность и красоту почти математических формул, в красочность цветов, где за самыми неожиданными переходами и сочетаниями неизменно чувствуется правда Творца. Свободное от усилий, лёгкое – как танец, творчество Рериха никогда не выходит из круга божественной *логичности*; на вершинах экстаза, в самом ярком хмелю, в самых мрачных видениях, грозных и многозначных, как вещания Апокалипсиса – его богом остаётся блаженно гармоничный Аполлон. Странно сказать: при изображении своего *субъективного* мира, Рерих достиг той степени *объективности*, при которой самое невероятное и надуманное, как какие-нибудь «лесовики» или «дом духа», становятся убедительным и несомненным, как сама правда: он видел это. Высшая ступень творчества, последний шаг ясновидения: временами Рерих словно фотографирует картины и образы своего несуществующего мира: так он реален. Странно сказать: вид обречённого города, «фасад» дома Духа!.. Или он существует?

Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесённый ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом дол-

го рассказывать о его богатстве и особенной красоте - об его людях - об его страхах, радостях и страданиях - о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война – там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география, скалы о его берегов, как скрижали завета. Тут знают многое, тут видят глубоко; в молчании земли и небес звучат глаголы божественных откровений. И, забываясь, можно посмертному позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит – видит такой прекрасный мир, мудрый, преображённый, прозрачно-светлый и примирённый, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне кажется ошибкой – Рерих не слуга земли ни в её прошлом, ни в настоящем: он весь в *своём* мире и не покидает его. Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются «Покорением Казани» или декорациями к норвежскому «Пер Гюнту», - даже и там он, «владыка нездешний», продолжает оставаться творцом нездешнего мира; *такой* Казани никогда не покорял Грозный; такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел Грозный в грёзах своих, когда во имя Христа, во имя своей крестьянской, христианской, апостольской России поднимал меч на басурман; но очень возможно, что именно *такую* Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазёр и печальный неудачник Пер Гюнт – Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля – и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским «нездешним» берегам.

Но для этого надо любить Север. Дело в том, что не занесённая на карты держава Рериха *лежит* также на Севере. И в этом смысле (не только в этом) Рерих – единственный поэт Севера, единственный певец и толкователь его мистически-таинственной души, глубокой и мудрой, как его чёрные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, бессонной и светлой, как его белые и мерцающие ночи. Это не тот мрачный Север художников-реалистов, где конец свету и жизни, где Смерть воздвигла свой ледяной, сверкающий трон и жадно смотрит на жаркую землю белёсыми глазами – здесь начало жизни и света, здесь колыбель мудрости и священных слов о Боге и человеке, об их вечной любви и вечной борьбе. *Близость* смерти даёт только воздушность очертаний этому прекрасному миру... и ту лёгкую, светлую, почти бестрепетную печаль, которая лежит на всех красках Рериховского мира: ведь и облака умирают! Ведь умирает и каждый восход! Так ярко зеленеть, как у Рериха, может только та трава, которой ведом за её коротким летом приход зимы и смерти...

И ещё одно, важнейшее, можно сказать о мире Рериха – это мир правды. Как имя этой Правды, я не знаю, да и кто знает имя Правды? – но её присутствие неизменно волнует и озаряет мысли особым, странным светом. словно снял здесь художник с человека всё наносное, всё лишнее, злое и мешающее, обнял его и землю нежным взглядом любви – и задумался глубоко. И задумал-

ся глубоко, что-то прозревая... Хочется тишины, чтобы ни единый звук, ни шорох не нарушил этой глубокой человеческой мысли.

Такова держава Рериха. Бесплодной будет всякая попытка передать *словами* и её очарование и красоту; то, что *так* выражено красками, не потерпит соперничества слова и не нуждается в нём. Но - если уместна шутка в таком серьёзном вопросе, то не мешает послать в царство Рериха целую серьёзную, бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут *историю* этой новой земли и заносят её на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства.

1919 г.

Текст публикуется по: Леонид Андреев. *S.O.S.* С. 349-352.

«Рерих - не только художник, но и археолог, писатель, а также он пишет замечательные стихи. И всё это - его рассказы, стихи, живопись - появились потому, что у него есть жизненный путь, и он ведёт его к цели, за которой лежит вечность».

Leo Feigenberg

МИР РЕРИХА

Рерих постоянно развивается и не может быть обозначен одним простым словом. Рерих не просто человек, а целый мир: у него есть Север, Юг, Восток и Запад, самобытный народ, архитектура, театр, дома, одежда, собственное будущее, храмы, предания, песни, молитвы и свой собственный особый язык.

Его мир похож на наш: там есть моря, флот, дома, театр, старики, животные, идолы, но всё это: море и флот, дома и язык, несомненно, имеют другое будущее.

И когда попадаешь на его выставку, чувствуешь непостижимое волнение, непонятное любопытство, как человек, попавший в новую и неизвестную страну.

Даже критику сложно отнести Рериха к одному из старых ограниченных определений, потому что в нём, в его мире, всё становящееся, новое, неизвестное.

Зрители не почувствуют мирного успокоения от картин Рериха, среди всех чувств обнаружится бесчисленное множество вопросов и неоднозначностей: почему облака в «друидах» кучевые? Зачем плетут корзины? И зачем старики заплетают бороды'?

Эти вопросы остаются нерешёнными, но так же вне решения этих проблем находится и живопись, чтобы остаться прекрасной. В мире Рериха это касается не только домов, одежды и языка, но также и его вечного, неразрешённого вопроса, и поэтому его мир тоже прекрасен. В его мире вечная двойственность и вечная неразрешённость, загадки которых мы не решим, его мир прекрасен.

«Мир Рериха» — живой мир. Он развивается и растёт каждый день, он движется. И как каждый живой мир не имеет в себе ничего косного, он живёт и борется сам с собой в разных вопросах: художественно-реалистических, символических, стилизаторских и прочих.

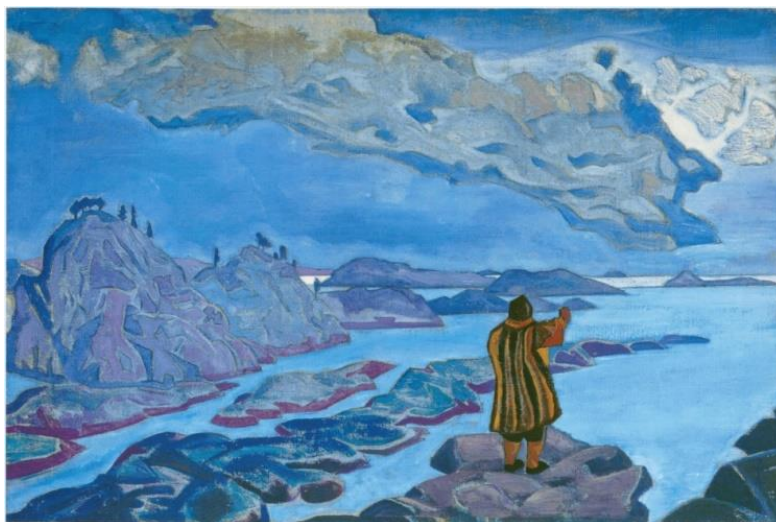
Рерих пробует различные пути, различные палитры, оттенки и материалы, а также, это немаловажно, вне зависимости от того, являются ли картины стилизациями или оригинальным произведением, все они — стилизации и не стилизации, фантастические и реалистичные — несут характерную особенность личности мастера, неизменно юной и неизменно находящейся в путях вечных вопросов.

Рерих — не только художник, но и археолог, писатель, а также он пишет замечательные стихи. И всё это — его рассказы, стихи, живопись — появились потому, что у него есть жизненный путь, и он ведёт его к цели, за которой лежит вечность. То есть этот мотив действительно можно обнаружить в его картинах: поддержка могучего лагеря в далёкой стране, благодаря которому он ведёт путь вдаль, к новому, безграничному, светлому миру.

В основании поисков Рериха лежит тайна с вечными вопросами, и в его вечной молодости лежит бессмертие творца.

Когда человек отправляется в путь в мир приключений и останавливается среди пейзажей могучих викингов и воспринимает их так, будто они существовали - сказочные животные и идолы, которые не имеют сходства ни с чем и которые всё-таки напоминают нам о чём-то неизвестном, - понимаешь, что они передают нам смысл, даже если Рерих является стилизатором, ведь он - *«Метерлинк в Живописи»*. **Но зачем ему быть Метерлинком, если он - Рерих?**

Verden og Vi (Копенгаген). 1919. 24 января. Помещены илл. картин Н. К. Рериха «Приказ» и «Священное место»⁵.

Н.К. Рерих. **Приказ**. 1921.

«Не болей! Придётся для Родины много потрудиться».

Вот уже более полувека это напутствие звучит. Так ясно помню залы Академии и густую толпу народа. Он⁶ всё же увидел и через головы властно приказал. Он умел мощно послать благой приказ».

(Н.К. Рерих. Листы дневника. 9.10.1944.)

⁵ Перевод с норвежского яз. А.Е. Лыжиной.

⁶ Напутствие Иоанна Кронштатского. (СПб. 1890-е гг.)

Н.К. Рерих. Пречистый град, врагам озлобление. 1912.

Перед приближением Сужденного сгущение тьмы станет необычным. И много потребуется сил, чтобы выдержать натиск последний.

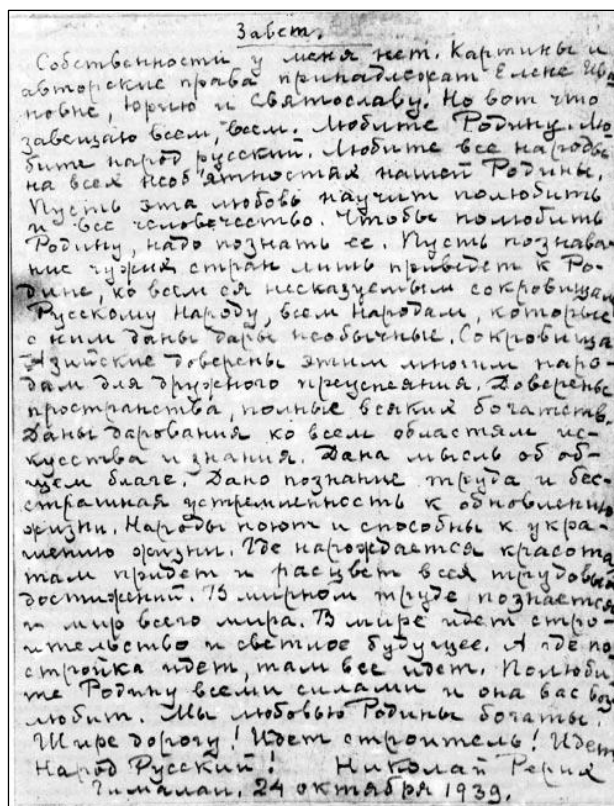
Итак, нагнетение уже велико. Ощущение беспросветности - от состояния пространства. Всё потонуло в сумерках. Завершение космических счетов усугубляет положение. Только мыслью о будущем и верой в него можно перейти через. Это тяжело знающим, а каково же тем, кто ничего не знает? В знании силу найдём претерпеть до конца.

Претерпевшие спасены будут.

Грани Агни Йоги 235. (Май 16).

ЗАВЕТ

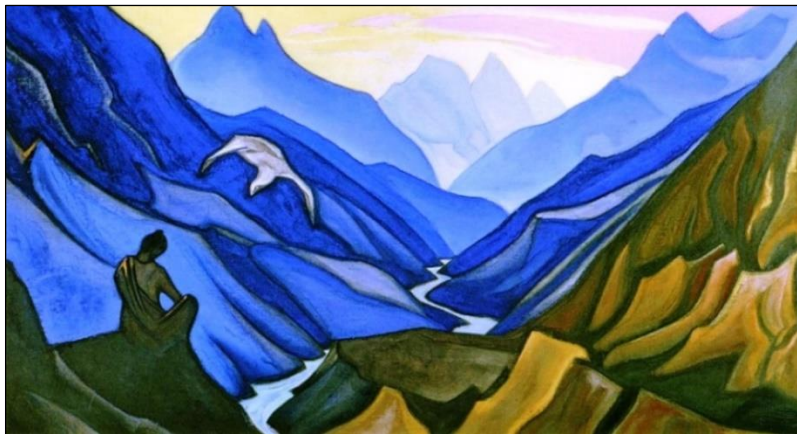
(24 октября 1939 г.)

Собственности у меня нет. Картины и авторские права принадлежат Елене Ивановне, Юрию и Святославу. Но вот что завещаю всем, всем. Любите Родину. Любите народ русский. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Пусть эта любовь научит полюбить и всё человечество. Чтобы полюбить Родину, надо познать её. Пусть познание чужих стран лишь приведет к Родине, ко всем ее несказуемым сокровищам. Русскому народу, всем народам, которые с ним, даны дары необычные. Сокровища азиатские доверены этим многим народам для дружного преуспевания. Доверены пространства, полные всяких богатств. Даны дарования ко всем областям искусства и знания. Дана мысль об общем благе. Дано познание труда и бесстрашная устремленность к обновлению жизни. Народы поют и способны к украшению жизни. Где нарождается красота, там придет и расцвет всех трудовых достижений. В мирном труде познается и мир всего мира. В мире идет строительство и светлое будущее. А где постройка идет, там все идет. Полюбите Родину всеми силами – и она вас возлюбит. Мы любовью Родины богаты. Шире дорогу! Идет строитель! Идет Народ Русский!

Николай Рерих
Гималаи, 24 октября 1939

Официальный сайт музея-усадьбы Н.К. Рериха в Изваре.

Приказ Учителя. 1947 г.

Н.К. Перух

МИР ВСЕМУ ЖИВУЩЕМУ

"Whoever thinks evil of it in his heart —
Let his heart rot!
Whoever stretches his hand toward it —
Let his hand be cut off!
Whoever harms it with his eye —
May his eye become blind!
Whoever does any harm to the bridge —
May that creature be born in Hell!"

(перевод с англ.)

*Кто замышляет злое в своём сердце –
Пусть его сердце истлеет!
Кто протягивает к нему свою руку –
Пусть его руку отсекут!
Кто смотрит на него со злостью –
Пусть его глаз ослепнет!
Кто причинит вред мосту –
Пусть родится в Аду!*

Так начертал на первом мосту через Инд буддийский правитель Ладака - Naglug. Он позаботился внушить окрестным жителям уважение к строительству. Также знаем, как заботился о строительстве благом царь Ашока. Наконец, в словах самого Благословенного всегда звучит доброе построение, и незадолго до отхода своего он ещё восклицал: "Как прекрасна Весали!".

Широко по миру несли буддийские наставники благие заветы. Никто не назовёт разрушений, причинённых буддистами. Панацея доброго просвещения и строения легла в основу всех заветов.

.....
Пусть это благословенное слово "мир" для множеств людей ещё является отвлечённостью несбыточной. Но мы знаем, что завет дан: "Мир всему живущему". Дан этот завет не среди отвлечённости, но среди самых насущных дей-

ственных наставлений. Значит, Тот, Кто давал этот завет, отлично знал, что в нём заключается истинный путь человечества.

Знаем, что к великому восприятию мира можно подготовиться лишь деятельным просвещением. "Мир через Культуру" - мы не устанем повторять эту истину. Ведь она не сделалась тавтологией, ибо вовсе не все прониклись осознанием этого единственного пути к Благу. Чтобы воспринять мир во всей его подлинности, нужно осознать и все подлинные сокровища человечества. Тот же, кто поймёт и осознает эти ценности, научится и хранить их.

Мало того, что существуют музеи и университеты, где читаются история и археология. Это опять-таки лишь формальная сторона достижений. Мы же говорим не о формальностях, не о мёртвых декретах, но стремимся посеять живое сознание в сердцах народов. Нам приходилось много раз воочию убеждаться, сколько бессмысленных развалин устыжают человеческое невежество. Мы видели прекраснейшие памятники Культуры расхищенными и разрушенными. В осколках лежат превосходнейшие изваяния, и мы знаем, что глубокое невежество совершило эти несмыслимые преступления против мировых достояний. Каждое такое свидетельство о разрушительных наклонностях невежд должно напомнить, как бережно нужно хранить неповторяемые ценности гения человеческого.

Кто-то предлагал завалить все старинные чудесные памятники мешками с песком. Помимо физической неисполнимости таких предложений, нужно помнить, что никакие мешки с песком не охранят ценностей — но лишь истинная Культура может служить достойным покровом всему прекрасному. Поспешим же совместно еще раз утвердить МИР ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ.

Почему же я говорю об охране ценностей гения человеческого именно к этому памяtnому дню? Делаю это не случайно, не только для того, чтобы иметь еще один случай сказать слово о неотложном. Имею еще и другую причину. В памятные дни люди вспоминают о самых лучших основах. Пусть же и теперь, произнося великий завет: "Мир всему живущему", все наши друзья ещё раз действительно помыслят о путях к этому миру. Пусть ещё раз все вспомнят, как бережно нужно охранить все культурные ценности, ибо лишь этот путь приведет к будущим вратам мира. "Мир всему живущему".

Николай Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва

Всадник утра. 1918.

СОДЕРЖАНИЕ

ОПЯТЬ ВОЙНА...

- Н. Рерих. **Претерпение**. 1916 г.
Завещание Н.К. Рериха (1 мая 1917 г. Петроград)
Стихи Н. Асеева, прочитанные 14 октября 1918 г.
на вечере, посвящённом памяти Рериха.
Николай Рерих. **«Заповедь Гайятри»**. 1916 (молитва)
Н.К. Рерих. **Милосердие** (пьеса). 1917 г.

ФИНЛЯНДИЯ

- Н.К. Рерих. **Пламя** (повесть 1918 г.)
Н.К. Рерих. **Письмена** (части сюиты, 1918 г.)

Властитель ночи.
В толпу
Напрасно
Благодать
Оставил
Свет
Улыбка твоя
Бездонно
Веселися
Повторяешь

- Н.К. Рерих. **Священный огонь**. (1918 г.)
Н.К. Рерих. **Разрушители культуры**. (1919)
Л. Андреев. **Держава Рериха**. (1919 г.)
Leo Feigenberg. **Мир Рериха**
Н.К. Рерих. **Завет**. 24 октября 1939 г.
Н.К. Рерих. **Разрушители культуры**. (1919 г.)
Н.К. Рерих. **Мир всему живущему**.

Иллюстрации:

1. **Жар земли**. 1916.
2. **Покаяние**. 1917. Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.
3. **Чудь под землю ушла**. 1913.
4. **Труд Богоматери. Madonna Laboris**. 1931.
5. **Отверженный**. 1918.
6. **У Дивьего камня неведомый старик поселился**. 1910.
7. **Тени**. 1916.
8. **Чёрный**. 1916.
9. **Карелия. Вечерний снег**. 1918.
10. **Пейзаж. Тулола. Финляндия**. 1918.
11. **Гора Тулола**. 1918.
12. **Ждут (Вечное ожидание)**. 1917.
13. **Властитель ночи**. 1918.
14. **Стрелы неба – копья земли**. 1915.
15. **Дела человеческие**. 1914.
16. **Меч мужества**. 1918.
17. **Приказ**. 1921.
18. **Пречистый град, врагам озлобление**. 1912.
19. **Приказ Учителя**. 1947.
20. **Всадник утра**. 1918.

Н.К. Рерих
ПРЕТЕРПЕНИЕ
(ИСПОВЕДЬ)

Экз. 6

Экз. 6.
